

Елена Дымченко
Страсти по борзым

Повести и рассказы

Елена Дымченко

**Страсти по борзым.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Дымченко Е.

Страсти по борзым. Повести и рассказы / Е. Дымченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838786-9

Во второй сборник вошли повести «Напасть», «Каприз балерины» и новая повесть о собаке-фениксе, восставшем из пепла «Изгой, или Судьба Мити». Читая истории Елены Дымченко, вы увидите окружающий мир глазами борзой собаки от первого щенячьего взгляда до взора уже мудрого пса. Пронзительные и вместе с тем мудрые, психологически выверенные рассказы проведут вас через целую череду жизненных обстоятельств и не оставят равнодушным.

ISBN 978-5-44-838786-9

© Дымченко Е.
© Издательские решения

Содержание

НАПАСТЬ	6
КАПРИЗ БАЛЕРИНЫ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Страсти по борзым Повести и рассказы

Елена Дымченко

Иллюстратор Галина Маслова

© Елена Дымченко, 2020

© Галина Маслова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4483-8786-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАПАСТЬ

Услышав шорох ключа в замке входной двери, Свиреп, с наслаждением потянувшись всем своим длинным и чрезвычайно гибким телом, ещё толком не проснувшись и пошатываясь со сна, вышел в коридор.

Он уже знал, что пришла Ольга, его хозяйка, ведь уже давно он научился определять кто пришёл по манере открывать входную дверь. Хозяин Аркадий, муж Ольги, никогда не открывал дверь ключом. Всегда спеша и не желая тратить время на возню с замком, он, приходя домой, резко, нетерпеливо звонил в дверь.

Их сын Максим с ключами возился долго, подбирая подходящий и не всегда ему удавалось сразу попасть в замочную скважину. Потеряв терпение, он тоже тогда звонил нетерпеливо и требовательно. Только Ольга быстро и бесшумно открывала дверь, и вот она, наконец, пришла домой.

Свиреп не всегда выходил её встречать в коридор в отличие от Смутьяна. Тот неизменно, как бы сладко он ни спал, заслышав звук открывающейся двери, вскакивал и выходил приветствовать хозяйку. Свиреп же иногда ленился и, заслышав её голос, только приподнимал точёную голову, ожидая, когда она подойдёт к нему поздороваться.

Она на него за это не обижалась и, присев рядом и ласково поглаживая, смеялась:

– Ты бы хоть ножкой дёрнул для приличия. А, Свиреп?

И он дёргал. Вытянув к ней морду, с наслаждением вдыхая любимый запах, он не мог сдержать волны радости и любви, которая поднималась в нём в эти минуты и, ласково лизнув её в ушко, радостно поддёргивал ногой.

Он очень любил свою хозяйку. В его узком, замкнутом кругу тех, кто был ему дорог, она была самым первым и главным лицом. Всегда ласковая и внимательная, она была источником неизменной заботы и любви. Он чувствовал, что она очень к нему привязана и отвечал ей тем же.

Он был сильно привязан и к Аркадию, и к Максиму, но Ольгу он любил трепетно и беззаветно. Будучи маленькой и стройной женщиной, она вызывала в нём желание защитить и оберечь её. Поздними и безлюдными вечерами, когда она выходила с ним и Смутьяном на последнюю ночную прогулку, он внимательно вглядывался в темноту. Завидев приближающегося к ним мужчину и испытывая щемящий страх за неё, такую маленькую и слабую, он грозно рычал, давая понять, что в обиду её не даст. Она сердилась на него, но он, чувствуя свою правоту, привычки своей не изменял.

Смутьян был вторым объектом его любви. К нему Свиреп относился с уважением, но в глубине души считал, что тот является его полноправной собственностью. Он любил его ревниво и страстно, и будучи ещё маленьким, слабым щенком, на прогулках мучительно страдал от неудержимой общительности Смутьяна.

Тот, отличаясь добродушным и игривым характером, прекрасно ладил с другими собаками и на прогулках явно предпочитал общаться с ними, а не с маленьким Свирепом. Увидев во дворе знакомую собаку, Смутьян, не задумываясь, убежал от своего воспитанника и начинал неистово носиться и весело играть, забывая про малыша.

Маленький Свиреп, чувствуя себя несправедливо брошенным и обделённым, пытался влезть в игру и при этом стремился отпихнуть соперника, чтобы полностью завладеть вниманием ветреника. Но ему это редко удавалось, потому что его взрослый приятель предпочитал более старших собак и отмахивался от него, как от надоедливой мухи.

Такое легкомысленное поведение заставляло Свирепа страдать и постепенно в нём развивалась жгучая непримиримая ненависть ко всем псам, которые могли отнять у него хотя бы на время внимание Смутьяна.

Будучи даже совсем маленьким, он никогда не играл с ними, в его мире было место только для Смутьяна, на других собак его не хватало. Став старше и почувствовав свою силу, Свиреп, ещё издали завидев предполагаемого соперника, терял голову и неизменно настигал врага и не упускал возможности вырвать клочок из его ненавистной шкуры.

Таким образом, он добился своего: завидев их, все старые приятели Смутьяна в страхе разбежались, боясь яростного нападения Свирепа, и теперь Смутьян был только его и ничей больше.

Правда, Ольга днём его уже давно не спускала с поводка во дворе, и только поздней ночью, когда уже все другие собаки, нагулявшись, сладко спали по своим домам, Свиреп мог на свободе вволю побегать.

Поначалу, Ольга, купив железный намордник, надеялась, что сможет обезопасить других собак от свирепости своего питомца, очень огорчившей её. После первых же прогулок в новом аксессуаре, но без поводка, она поняла, что намордник не является панацеей. Быстро сообразив, что зубы пустить в ход не удастся, Свиреп изменил тактику и всё равно неизменно достиг своей цели: избавить Смутьяна от общества других собак.

Молниеносно набирая скорость, всей своей стремительной и удесятёрённой от этого массой, он обрушивался тараном стального намордника на врага, безжалостно круша рёбра. Это было даже хуже клыкастой пасти и поэтому Ольга, отказавшись от намордника, просто всегда теперь водила Свирепа на поводке.

В тот день, выйдя в коридор, Свиреп, ласково помахивая пушистым хвостом, потянулся к хозяйке и, нежно выдохнув ей в ухо, прижался мордой к склонённой к нему, холодной от мороза, щеке. Она ласково гладила его по ушам, трепала по бокам, слегка похлопывала по горбатой спине. Он был очень рад её возвращению.

Сегодня она пришла необычно поздно и он, соскучившись, не поленился выйти её поприветствовать. Подоспевший Смутьян, мотая со сна головой, уже подбежал к Ольге и, оттеснив Свирепа, прижался к ней тёплым боком. Любовно заглядывая хозяйке в глаза, он нетерпеливо переступал лапами, ожидая от неё ласки. Она также ласково поздоровалась и с ним. Свиреп, потягиваясь, спокойно наблюдал, к ней он Смутьяна не ревновал, здесь они с ним были на равных правах.

Дождаясь пока Ольга снимет тяжёлую, рыжую шубу, парочка уже предвкушала радости обычного домашнего вечера. Вкусный ужин всей семьёй, потом отдых втроем с Ольгой на одном широком диване, когда, пристроившись возле неё с двух сторон и прижавшись к ногам спинами, они наслаждались лаской любящих рук и просто её присутствием рядом.

А потом, уже совсем поздно, когда стихает лай во дворе, весёлая длительная прогулка без поводков, когда можно поиграть и порезвиться на свободе. Так было каждый вечер и для обоих это было самое любимое время суток.

Но сегодня, быстро раздевшись, Ольга почему-то торопливо стала их загонять в комнату. Пообещав скоро вернуться, она ласково потрепала их по головам и, закрыв за собой плотно дверь, поспешно ушла в коридор. Оба пса были в полном недоумении, потому что до сих пор их никогда не запирали. Этот вечер с самого начала складывался не так, как обычно.

Не отходя от двери, поставив уши конём, они тревожно прислушивались к тому, что происходило за ней, к чему Ольга решила их не допускать. Смутьян, сгорая от любопытства, начал тихонько, жалобно поскуливать, прося пустить его туда, где происходили сейчас какие-то важные события. Свиреп же, ещё испытывая вполне естественное для подобной ситуации любопытство, уже почувствовал, что ничего хорошего это ему не принесёт.

За дверью же слышалась какая-то суетливая толкотня, Максим радостно, возбуждённо что-то говорил матери. Она, отвечая ему, смеялась тихим и счастливым смехом. Аркадий, все-

гда очень сдержанный, сейчас тоже заговорил каким-то непривычным для него приглушённым, нежным голосом.

Смутьян, казалось, готов был вышибить дверь плечом, чтобы очутиться там, рядом с ними и разделить их радость. Свиреп же всё более и более убеждался в том, что этот праздник принесёт лично ему одни только неприятности. Он отошёл от двери и, забравшись в своё кресло, прикрыл глаза и затих.

Он уже не хотел знать, что там происходит, ему хотелось только одного, чтобы дверь ещё очень долго не открывалась, и то, что за ней происходит, вошло бы в его жизнь как можно позже.

Тем временем шум и толкотня из коридора переместились в дальнюю комнату и спустя некоторое время Ольга открыла дверь, чтобы выпустить узников из их недолгого заточения.

Смутьян стрелой вылетел в коридор и, возбуждённо со всё более возрастающим любопытством начал обнюхивать пол для того, чтобы выяснить в чём же дело. Идя по следу, он, наконец, уткнулся носом в закрытую дверь дальней комнаты.

Он остановился и, нетерпеливо переступая лапами, оглядываясь то и дело на хозяйку, стал просит пустить его туда, где, как он понял, находился сейчас источник всей этой суматохи.

Ольга, ласково ему улыбаясь, отрицательно покачала головой:

– Подожди, родной, пока туда нельзя.

Смутьян, настаивая, стал легонько толкать носом дверь, требуя пустить его сию же минуту, но Ольга была непреклонна. Вдруг из комнаты раздался какой-то звук. Смутьян насто-рожился и, склонив голову набок, вопросительно смотрел на дверь, как будто ждал от неё ответа, но она не отвечала.

Вдруг звук снова повторился. Это было уже чересчур для возбуждённых нервов Смутьяна и, не выдержав, он начал носиться кругами по узкому коридору, каждый раз упираясь носом в дверь, которую никак не хотели для него открывать. Наконец, утомившись от этой бестолковой и шумной беготни, он улёгся на пороге, давая понять, что всё равно, во что бы то ни стало дождётся и проникнет в эту запретную комнату и всё разузнает.

Свиреп же не двинулся с места, так и оставшись лежать в своём любимом кресле. Когда Ольга заглянула в комнату, удивлённая его отсутствием, он поспешно прикрыл веки, делая вид, что спит.

В его душе постепенно всё больше и больше нарастало раздражение к недостойному, на его взгляд, поведению Смутьяна и, вообще, всё это ему совсем не нравилось.

Через некоторое время Ольга позвала их обоих на кухню, чтобы покормить. Смутьян, на минуту задумавшись, всё-таки оставил свой пост, привлечённый вкусным запахом. Наскоро заглотив свою порцию, он снова занял выжидательную позицию у закрытой двери.

Свиреп же не двинулся с места. Хотя голод давал о себе знать, ему не хотелось видеть сейчас никого. Плотнее прижав веки, он упрямо остался лежать на своём кресле. Ольга, несколько раз позвав его по имени, зашла в комнату и, присев и положив руку ему на спину, она, улыбаясь, попыталась заглянуть ему в глаза:

– Свиреп, ты что это бастуешь? Голодовку объявил, может быть, ты заболел? – она попыталась приподнять его голову, но он сопротивлялся, до слёз зажмурив глаза.

– Свиреп, ты, что это и говорить со мной не хочешь? Обиделся? Ну, ничего, ничего.

Она ласково гладила его, ожидая, что в ответ он, как обычно, приподнимет голову и нежно дохнёт ей в ухо.

Но Свиреп встал, избегая её ласки, и перешёл на другое кресло, подальше от Ольги.

– Ну, как хочешь. – Ольга встала и вышла из комнаты.

В этот вечер он так и не двинулся с места, всё более и более замыкаясь в себе и не обращая внимания ни на хозяйку, которая была занята какими-то своими делами, ни на Смутьяна, который тоже сегодня совершенно забыл про него.

В тот вечер всё было не так, как обычно. Ольга почти всё время пропадала в дальней комнате. Смутьян, изнывая от нетерпения и любопытства, в течение всего вечера пытался проникнуть за закрытую дверь, но Ольга тщательно следила за тем, чтобы его попытки остались безуспешными.

Но всё же терпение и упорство Смутьяна вознаградилось и, улучив момент, он воровато проскользнул в узкую щель на минуту оставленную вышедшей из комнаты Ольгой. Пробравшись с таким трудом в запретную комнату, он, оглядевшись, изумлённо застыл на пороге, увидев на коврике в углу маленького, пушистого щенка.

Белоснежный малыш, блестя глазёнками-бусинками, с любопытством уставился на него. Медленными, осторожными шагами Смутьян приблизился и, чуть повиливая хвостом, начал знакомиться, обнюхивая его. Щенок, сначала несколько испуганный этим внезапным вторжением, однако, быстро осмелел и, повиливая в ответ тоненьким хвостиком, потянулся крошечным носиком к Смутьяну.

Ольга, зайдя в комнату и застыв на пороге, издали наблюдала за ними. Подойдя, она ласково погладила Смутьяна по спине и спросила:

– Ну, как тебе твоя дочка, папочка? Правда, симпатичная? Она тебе нравится?

Смутьян, удовлетворив своё любопытство, уже потерял интерес к щенку и решил вернуться на своё кресло, почувствовав накатившую вдруг усталость после длительной и хлопотливой осады. Осторожно передвигаясь, чтобы не наступить на юркую малышку, он направился к выходу. Щенок, едва доходивший в холке до запястья Смутьяна, не желал с ним расставаться и, ухватившись мелкими, острыми зубками за его хвост, попытался остановить гостя.

Смутьян осторожно, но настойчиво продолжал двигаться к двери. Упрямый щенок, не в силах остановить его, всё же не сдавался и, опустившись на пушистую попу и изо всех сил упираясь лапами в скользкий пол, старательно пытался удержать великана.

Тот, не желая уступать, продолжал поспешно ретироваться к двери и невольно тащил за собой упирающегося всеми четырьмя лапами щенка. Наконец, Ольга, смеясь, разжала острые зубки и освободила Смутьяна, который тут же засеменил в коридор, стремясь спастись от nepоседы.

Отпущенный на пол щенок тут же бросился в погоню за беглецом и, нагнав его, путался под ногами, пытаясь прихватить того зубами за ногу или хвост. Смутьян, спасаясь бегством от острых зубов, чуть прибавил шагу и, вбежав в гостиную, запрыгнул на высокое кресло, стоящее рядом с таким же креслом Свирепа.

Щенок, увлечённый весёлой игрой, влетев в гостиную, не справился с поворотом и, скользя по скользкому полу, с налёту врезался головой прямо в свешенные лапы лежащего в соседнем кресле Свирепа.

Тот, внезапно разбуженный столь бесцеремонно, сердито охнул и резко вскочил. Увидев на полу маленького проказника, нарушившего его сон, он тут же решил его проучить. Гневно рыкнув, он молнией соскочил на пол и, прижав лапой шалуна к полу, клацнул челюстями в миллиметре от его шеи. Тот, испуганно взвизгнув, чудом вырвался и тут же забился дрожащим комком под диван.

Свиреп, не привыкший никому давать спуска, не мог позволить безнаказанно уйти улизувавшему беглецу. Припав на живот, он засунул узкую голову под диван, но увидев, что так ему до него не дотянуться, начал пропихивать вглубь поддиванья своё узкое, гибкое тело, не обращая внимания на боль.

Ему удалось протолкнуть себя вглубь почти до поясницы и теперь, отталкиваясь лапами от пола, он пытался приподнять диван, чтобы дотянуться до забившегося к стенке до смерти испуганного щенка. При этом он грозно рычал, стараясь напугать малыша как можно сильнее. Ему уже почти удалось добраться до наглеца, но сердитый окрик заставил его остановиться.

– Свиреп! Назад! – услышал он сзади гневный крик Ольги. – Назад, я сказала!

Недовольно ворча, он всё же подчинился и с трудом выбрался наружу. Остро переживая свою неудачу, не глядя на Ольгу, он забрался на своё место и, обиженный, затих.

– Ты что это делаешь? Нельзя, она маленькая! – Ольга строго смотрела на него, но Свиреп упрямо прикрыл глаза.

Отодвинув кресло вместе с лежащим на нём Свирепом, Ольга достала перепуганного, дрожащего щенка из-под дивана. Прижав к груди, она ласково гладила его, успокаивая, и что-то шептала на ушко.

Еле заметно приоткрыв веки, Свиреп исподтишка наблюдал за ними и в его душе закипала ненависть к этому маленькому созданию, внезапно ворвавшегося в его столь размеренную и счастливую жизнь.

Шли дни. Щенок рос не по дням, а по часам. Ольга теперь не ходила на работу и сутками находилась дома, но почти всё своё время она отдавала щенку. Первые дни он практически постоянно находился в той дальней комнате, дверь, в которую всегда была заперта. Смутьян иногда подходил к ней и его почти всегда впускали, тут же закрыв за ним дверь.

Свиреп же в тот конец коридора никогда не ходил. Он теперь редко, вообще, передвигался по квартире. Слишком много запахов здесь напоминало ему о ненавистном сопернике. Почти всё время он одиноко лежал на своём кресле или на диване в гостиной, только здесь за закрытой дверью он чувствовал себя более или менее спокойно.

Аппетит у него почти совсем пропал, он ел мало и неохотно. Ольга, вырывая свободную минутку, приходила к нему и, ласково гладя по голове, тихо шептала ему на ухо:

– Свирепушка, дурачок. Я же тебя больше всех люблю, а она маленькая, ей сейчас нужно много внимания. Ты не обижайся, ты у меня всё равно самый лучший.

Он слушал её внимательно, хотя и не подавал виду. Как будто проверяя её на искренность, он жадно впитывал в себя слова, тщательно пропуская через своё ревнивое сердце малейшие интонации и вибрации голоса, ища и боясь найти в них ложь и обман. Но при всей своей недоверчивости, он не мог не признать, что она говорила совершенно искренне, она действительно сильно любила его.

Постепенно, устав от собственного так тщательно оберегаемого одиночества, он, соскучившись по любви и доверию, стал понемногу отходить и уже вновь с каждым разом всё смелее и смелее, отзывался на её ласку. И хотя, большую часть времени она проводила всё же в той, дальней комнате, вечерних, столь любимых им и Смутьяном прогулок, щенок отнять у него не смог.

Каждый вечер, Ольга оставляла малышку дома, и вместе с ними, с нетерпением ожидавших этих вечерних часов, выходила гулять. И там, спустив с поводков, она давала им возможность вволю набегаться и поиграться. Здесь не было щенка и она опять принадлежала только ему и Смутьяну. Эти прогулки если не примирили Свирепа с появлением нового жильца, то хотя бы убедили в том, что для Ольги он так же любим, как и раньше.

Но дома, он всё время чувствовал незримое присутствие Милки, так назвала щенка Ольга, и это мучило его, раздирая душу болью чёрной ревности.

Однажды, спустя месяц, Свиреп лёжа на диване, услышал в коридоре дробный топот маленьких лап, он то приближался, то удалялся. Милка бегала по коридору и смеющийся голос Максима свидетельствовал о том, что им там было весело и хорошо. Чувствуя приближающуюся волну ярости и, пытаясь справиться с ней, Свиреп плотнее вжался боком в диван и крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть ни Максима, ни Милку.

Вдруг топот, неминуемо приближаясь, затих не более метра от него. Не в силах сдержать рвущееся из горла рычание, Свиреп открыл глаза. Совсем рядом, на расстоянии двух шагов от него стояла Милка. Виляя тоненьким, длинным хвостиком, она, давно забыв об их первой встрече, озорно поблёскивая глазами, разглядывала его с детским, нескрываемым любопытством.

Свиреп, ощутив резкий прилив ненависти, еле сдержался, чтобы не вскочить и не разорвать её в клочья. Всё ещё лёжа, он приподнял голову и предупреждающе зарычал ещё громче.

Милка, не в силах понять причин его ненависти к ней этого пса, однако, не чувствовала особенного страха. Но, всё же чуть отойдя назад, она, не желая уходить совсем, села на пол и приподняв тонкие ушки, удивлённо уставилась на него, наклоняя голову из стороны в сторону.

Свиреп, совсем теряя терпение и с трудом сдерживаясь, громко рявкнул. Уже не в силах справиться с собой был готов сорваться вниз, но в этот момент подоспевший Максим подхватил Милку на руки и сердито, с укоризной посмотрев на Свирепа, поспешно унёс её из комнаты.

Добродушный Смутьян, которому были незнакомы подобные чувства, буквально захлёстывающие Свирепа, удивлённо наблюдал за этой сценой со своего места. Тому даже показалось, что в его взгляде мелькнула укоризна, такая же какую он увидел в глазах Максима. Упрямо мотнув головой и всё ещё гневно ворча, Свиреп улёгся опять на диван и плотно закрыл глаза.

На следующий день Свиреп опять услышал тот же топот. Поплотнее собравшись, он лежал, делая вид, что спит, на самом деле, чутко прислушивался к звукам, доносившимся из коридора. Опять та же волна ненависти накатила на него и гневное рычание уже трепетало на его напрягшихся губах.

В комнату вошла Ольга, а за ней радостно семеня – она, Милка. Свиреп, внутренне взрываясь от ярости, молчал. Ольга, проходя мимо, стрельнула в него глазами и, не спеша, присела на диван, стоящий в дальнем углу комнаты. Ласково подозвав к себе малышку, она в то же время внимательно исподтишка, наблюдала за ним. Свиреп с трудом сдерживался, но молчал. Стараясь держаться от него подальше, Милка, прижав ушки и затаив дыхание, осторожными шажками миновала его кресло и уже дальше неловким, торопливым галопом заспешила к ожидавшей её Ольге.

Та, нежно погладив её по голове, взяла толстую, потрёпанную книгу и, положив к себе на колени, стала делать вид, что читает, предоставив Милку самой себе. Та, уже забыв свой вчерашний страх, испытывая зуд первооткрывателя, стала обходить комнату, методично обнюхивая всё, что попадалось на пути.

Свиреп, чуть приоткрыв глаза, внимательно наблюдал за её передвижениями. Сердце его бешено билось, от ненависти темнело в глазах, но он, сдерживаясь, молчал, стиснув зубы. Милка же, увлечшись своим обследованием, совсем забыла про него и, следуя своим маршрутом по периметру комнаты, всё ближе и ближе приближалась к затаившемуся Свирепу.

Наконец, она достигла кресла, на котором лежал Смутьян. Тот, приподняв узкую голову спокойно наблюдал за ней и когда она остановилась рядом, невольно подобрал ноги чуть выше.

Милка, потянувшись к нему, стала осторожно обнюхивать его лапы и хвост, свисающий с кресла. Смутьян, чуть отвернув от неё голову, терпеливо сносил это бесцеремонное обследование и, наконец, смилостивившись, наклонился и потянулся носом к её маленькому любопытному носику.

Она, соблюдая правила и чувствуя себя счастливой от внимания такого взрослого пса, постепенно поздоровалась с ним и, удовлетворённая двинулась дальше, к Свирепу.

Наблюдая со своего кресла за Смутьяном и Милкой, Свиреп дрожал мелкой дрожью. Терпение, проявляемое тем к щенку, злило его и он опять вспомнил ту жгучую боль, которую приносила ему когда-то общительность Смутьяна. И теперь эта боль вернулась. Он даже не сомневался в том, что добрый Смутьян будет прекрасно ладить с Милкой и тем самым, уже не будет полностью принадлежать только ему, Свирепу.

Тем временем Милка приблизилась к Свирепу чересчур близко для напряжённых нервов Ольги. Та уже не скрывала того, что она внимательно наблюдает за ними. Забыв про книгу, она, готовая в любую секунду броситься на помощь Милке, неотрывно следила за его малейшими движениями. Она слишком хорошо знала своего Свирепа. Милка, на шаг не дойдя до него, подняла глаза и как будто споткнувшись, остановилась и замерла, трепеща, не в силах сдвинуться с места.

Она увидела то, что не могла видеть со своего места Ольга. Отвернув голову от Ольги так, чтобы его морду видела только Милка, Свиреп, дрожа от ярости губами, метнул на неё такой злобный взгляд, что пригвоздил её им на месте. Находясь под гипнозом этих глаз и не имея сил от них оторваться, Милка, сотрясаемая мелкой дрожью, испуганным кроликом впитывала в себя эту ненависть, которой исходил взгляд этой собаки-кобры.

Тихо-тихо рыча, так чтобы Ольга не могла слышать, Свиреп сверлил Милку взглядом как будто пытался испепелить её на месте. Наконец, очнувшись, Милка с испуганным визгом метнулась к Ольге и забила к той в ноги.

Взяв дрожащего щенка на руки, прижимая его крохотное тельце к груди и успокаивая, Ольга, не зная, что конкретно произошло, отчётливо поняла одно: никогда Свиреп не примет Милку, никогда теперь в её доме не будет мира и спокойствия. И, зная свирепый нрав своего питомца, она поняла ещё одну вещь: пока Свиреп жив, Милкина жизнь будет находиться в смертельной опасности.

Очень долго не спалось в эту ночь Ольге. Ворочаясь с боку на бок, она пыталась отыскать в своём сердце надежду на то, что всё наладиться и Свиреп сможет привыкнуть к Милке. Но она слишком хорошо его знала, чтобы всерьёз обольщаться этой надеждой. Винить его за это было нельзя, он был такой, какой был и изменить его было невозможно. Его свирепость, переданная ему от матери, была наследственной чертой его предков. Недаром ещё его прадед в одиночку не раз брал матёрого волка.

И зная его характер, не стоило брать в дом щенка. Свирепа же она любила, несмотря на его суровый нрав. Седьмым чувством она знала, что те отношения, которые существуют между ней, Смутьяном и, главное, Свирепом изменять ни в коем случае нельзя. Её предательство, а именно так воспринимал Свиреп появление щенка в доме, превратит его вскоре в дикого неукротимого зверя, и только её любовь и неразделённый ни с кем Смутьян держали его в рамках.

Расстаться с ним было для неё невозможным и поэтому придётся расстаться со щенком, как бы это не было грустно. Оставить его в доме, рядом со Свирепом было слишком рискованно. Это значило бы лишиться себя покоя и подписать щенку смертный приговор. Щенок есть щенок, и новый дом и любящие хозяева не сломают ему жизнь. А Свиреп слишком раним и уязвим в своём узком мирке, который он любит и тщательно оберегает от чужих посягательств. Лишить его этого, значило бы разбить его сердце и навсегда лишиться возможности воспринимать любовь и любить самому.

Приняв это решение, измученная Ольга, наконец, уснула беспокойным сном если не счастливой, то, по крайней мере, с чувством, что она нашла реальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации.

Через несколько дней чужие люди пришли и забрали с собой маленькую Милку. Снова открылись все двери для Свирепа, и всё вернулось в своё прежнее, привычное русло.

Свиреп, чувствуя благодарность к Ольге и понимая, что Милка исчезла из их семьи только благодаря её большой любви к нему, стал очень ласков и послушен, как бы пытаясь отблагодарить за это.

Прошёл год и Милка вернулась, её на руках принёс в дом Аркадий. Вся задняя часть туловища и ноги были закованы чем-то белым, что лишало её возможности двигаться. Она целыми днями неподвижно лежала в той самой дальней комнате, не шевелясь и не издавая ни звука. В её слезящихся глазах плескалась лютая боль и чёрная тоска. Комната, да и вся квартира пропахла резким запахом лекарств. Ольга часто плакала, она похудела и осунулась, в доме поселилась беда.

Смутьян часто приходил к Милке и, ложась рядом, долго и неотрывно смотрел на неё. Иногда, желая выразить своё сочувствие, он даже начинал нежно вылизывать ей морду и уши, ласково и нежно урча.

Свиреп же к той комнате даже не подходил.

Через несколько недель дела у Милки явно пошли на лад. Взгляд тёмных глаз стал несколько живее, она уже подымала голову навстречу Ольге, когда та к ней подходила.

Пришёл день, когда с неё срезали гипс и, потихоньку, осторожно, под неусыпным контролем, Милка начала передвигаться сначала по комнате, а потом и по всей квартире. С каждым днём она чувствовала себя лучше и вскоре её начали выводить и на прогулку.

Свиреп, наблюдая за происходящим, внешне оставался спокойным. В Милке уже не было того детского нахальства, которое раньше так сильно раздражало его. Боль в её глазах говорила, что она стала значительно старше и умнее. К нему она близко не подходила, видимо, теперь она уже могла понять, что из этого ничего хорошего не выйдет.

Когда они случайно встречались в какой-нибудь комнате, Милка, торопясь и подволакивая задние ноги, спешила уйти прочь. Она заблаговременно прижималась к стене, уступала ему дорогу в тесном коридоре и не рисковала встречаться с ним в узком проёме дверей.

На прогулке Милка старалась держаться от него подальше. Иногда не в силах устоять от соблазна, она пыталась бегать, но теперь после болезни ей это удавалось плохо. Неуклюже перескакивая и заваливаясь задом на сторону, она двигалась с большим трудом, а придя домой долго отлёживалась, повизгивая от боли.

Свиреп, наблюдая за её жалкими попытками, с удовлетворением понимал, что теперь, после травмы она не сможет заменить его в играх для Смутьяна, но само её присутствие жгло сердце неистребимой ненавистью.

Однажды вечером, спущенный с поводка, он, играя со Смутьяном, пронёсся вихрем возле зазевавшейся Милки и, случайно задев плечом, чуть не сбил её с ног. Покачнувшись и взвизгнув от боли, она всё же с трудом удержалась на ногах. И тут в Свирепа как будто все-

лился демон. Забыв о Смутьяне и об осторожности, он развернулся и, гонимый одной лишь ненавистью, снова, уже вполне сознательно налетел диким, бешеным вепрем на Милку.

Сбив её крепким плечом с неустойчивых, слабых лап, он тут же вновь развернулся, готовый повторить свой жестокий манёвр, но не добежав чуть более метра до своей повергнутой наземь беспомощной жертвы, почувствовал вдруг обжигающий жгучей болью удар и гневный окрик Ольги.

– Отрыщь, стервец! Назад!

Замахиваясь тонким, кожаным поводком, Ольга с побелевшим лицом, не в силах остановиться, всё хлестала и хлестала прижавшегося к земле Свирепа по спине.

Визжа от жгучей боли, не в силах более выносить этой расправы, он вскочил, завертелся веретенком и бросился бежать. Он летел, не чуя ног, не видя ничего перед собой. Боль, обида, страх, ненависть разрывали его сердце. Обессилев, он свалился, наконец, на кучу мусора в соседнем дворе и почти в полуобморочном состоянии затих. Впервые Ольга ударила его, но её ярость напугала его гораздо больше, чем кожаный «кнут», безжалостно впивающийся в его сухую спину.

Спустя некоторое время Ольга, наконец, нашла его и, всё еще сердясь за его злобную выходку, отвела домой, оставив в гостинной одного.

Это был хороший урок, который запомнился ему на всю жизнь и в дальнейшем Свиреп уже не позволял себ прямых нападений на Милку. Он обходил её стороной с брезгливым выражением морды, но ненависть к ней не уменьшалась, а даже возросла, но как будто притаилась, ожидая своего часа.

Прошло ещё несколько недель и Милка стала передвигаться значительно лучше. Она повеселела и, обходя Свирепа стороной, со Смутьяном уже весело играла, хотя догнать его не могла. С другими собаками она тоже была очень дружелюбна и, видимо, в этом была похожа на своего отца, добродушного Смутьяна.

Так как ей редко одевали на улице поводок, она, передвигаясь на свободе, уже перезнакомилась со всеми собаками во дворе и, прихрамывая, весело играла с ними, в то время как Свиреп и Смутьян, были обречены на степенное хождение рядом с Ольгой на поводках. Смутьян всегда внимательно присматривал за нею и, если рядом появлялся большой пёс, угрожающе лаял, давая понять, что не даст её в обиду.

Однажды, в погожий день они пошли гулять в поля на самой окраине города. Эти прогулки были особенно любимы, ведь это было единственное место, где Свиреп со Смутьяном могли порезвиться на свободе при свете дня. Обычно они проходили насквозь, не задерживаясь ближние поля, засеянные люцерной, где ещё можно было встретить прогуливающихся собачников с их питомцами и шли дальше, туда куда обычно уже никто не доходил.

Только там Ольга спускала своих кобелей с поводков и тут уж они резвились на славу. Милка в их жёстких играх никогда не участвовала, не имея возможности ни догнать, ни убежать. Побаиваясь Свирепа, она жалась к ногам Ольги и, прихрамывая, шагала рядом.

Вволю набегавшись, накупавшись и навалывшись в траве, они уже направились домой. Дойдя почти до края последнего поля, Ольга взяла своих кобелей на свору. Милка, уже не боясь сосворенного Свирепа весело забегала, прихрамывая, кругами около них.

Вдруг на другом конце поля появился огромный, матёрый овчар. Уверено неся своё крупное, мускулистое тело, он размашисто двигался навстречу Ольге с собаками. Та, привычно подобрав свору покороче, остановилась, ожидая, когда хозяин возьмёт свою собаку на поводок, но тот, не предпринимая никаких попыток даже подзвать собаку, шёл как ни в чём не бывало.

Завидев чужого, Свиреп, подобравшись, глухо, утробно зарычал. Шерсть на его загривке встала дыбом, чёрные губы, дрожали от ярости. Натянув свору, он рвался вперёд. Ольга, с трудом удерживая собак, крикнула:

– Возьмите кобеля на поводок!

Хозяин овчара как будто и не слышал. И тут Милка, чуть припадая на задние ноги, предвкушая весёлую игру, подбежала к овчару.

Взревев, тот вскинулся и хватанул её за бок. Взвизгнув, она неловко развернулась и, подволакивая ноги, кинулась под защиту Ольги. Разъярённый овчар бросился за ней вдогонку, мощными, огромными скачками он без особых усилий настигал искалеченную Милку. Его хозяин, остановившись, издали молча наблюдал.

Ольга, помертвев, всё ещё надеясь на благоразумие хозяина овчарки, наблюдала за происходящим. Как в замедленной съёмке виделись ей и неловкие, беспомощные движения её переломанной, только-только поправившейся Милки, и мощные скачки чёрного овчара, догоняющего её беспомощную собаку. В своём воображении она уже видела, как тяжёлое тело напавшего, навалившись сверху, крушит чуть поджившие переломы бедной Милки.

А хозяину овчарки, видимо, доставляло удовольствие наблюдать, как его собака неумолимо настигает борзую. Во всяком случае, он даже не пытался остановить своего озверевшего питомца. А вокруг никого, и только эта маленькая женщина с тремя «худыми» и, наверно, слабыми борзыми.

Свиреп, внимательно наблюдавший за погоней, уже не предпринимал попыток сорваться со своры. Горящими от нетерпения глазами он наблюдал за развитием событий и как будто чего-то ждал.

Смутьян, видя, что расстояние от Милки до овчара неумолимо сокращается, неистово рвался с поводка, роняя пену и вставая на дыбы, как дикий, взбесившийся жеребец.

И вдруг свора ослабла.

– Вперед мальчишки! – голос Ольги срывался и звенел.

Смутьян, освободившись, в два огромных прыжка настиг овчара и плечом сбил того с ног и, молниеносно развернувшись, молча, деловито вцепился в низ открытого беспомощного живота крепкими зубами, рванул яростно и овчар затих навсегда.

Молчание повисло над пустынным полем. Изумлённый хозяин поверженного овчара, всё ещё не в силах поверить в столь стремительную, кровавую развязку, кинулся к своей неподвижной собаке. Тот, истекая кровью, уже безжизненными глазами смотрел в серое, пасмурное небо.

Ольга, не веря своим глазам, не ожидавшая от добродушнейшего Смутьяна такой свирепости, молча стояла не в силах вымолвить слова и пыталась справиться со своими трясущимися руками.

Милка, забившись ей в ноги, дрожала крупной дрожью, всё ещё переживая своё опасное приключение.

Свиреп, так и не сдвинувшийся с места, тяжело вздохнул и разочарованно отвернулся. В его потухших вдруг глазах застыло разочарование.

Смутьян, тяжёло дыша не спеша подошёл к Ольге и, обнюхав Милку, опустился рядом. Положив голову на передние лапы, он устало прикрыл глаза. Тело его сотрясала мелкая, предательская дрожь.

– Боже мой! – вышла, наконец, из оцепенения Ольга. – Боже мой! – дрожащие руки вметнулись к лицу и прикрыли трясущиеся губы, готовые издать душераздирающий вопль.

Хозяин овчарки, услышав её тихий голос, вскочил на ноги и, яростно матерясь, начал повсю поносить и Ольгу и её собак.

Она, понимая, что он сейчас чувствует, молчала, так как в такой момент говорить человеку, что он сам виноват, было бы бессмысленно, в смерти своей собаки был виноват владелец, не пожелавший вовремя её остановить. Если бы не Смутьян, наверно, такая же участь ожидала бы искалеченную Милку.

И уже после, придя домой и, прокручивая вновь и вновь произошедшее, Ольга задала себе вопрос: «Где же был Свиреп в это время?» Почему добродушный Смутьян, всегда избегавший лишних конфликтов, так жестоко расправился с зарвавшимся овчаром, а не Свиреп, для которого любая драка была праздником?

Вспомнив все мелочи и детали произошедшего, Ольга полностью удостоверилась в том, что Свиреп даже на шаг не отошёл от неё. Это было очень странно. Поверить в то, что он испугался овчарки было трудно. Она прекрасно знала, что Свиреп, не то что с немецкой, но даже с кавказской овчаркой запросто справляется, столько в нём злобы и азарта, что в драке стоит гораздо больше, чем физическая сила и размеры.

Так почему же он, не воспользовавшись столь редкой теперь для него возможностью пустить клыки в ход. Это было очень странно. И Ольга, прокручивая самые разнообразные варианты так и не нашла ответа на свой вопрос.

Прошло два года, Милка оставалась с ними, но с годами ненависть Свирепа ничуть не уменьшалась.

Он всё это время выжидал случая, который помог бы избавить его навсегда от этой напасти, но теперь, как будто спохватившись, судьба, казалось, берегла Милку.

Находясь рядом с ней, живя в одной квартире и питаясь одной пищей, Свиреп терпеливо ждал удобного случая.

Когда пришло время и Милка запустовала, Смутьян, изнывая и не отходя, дежурил у дверей комнаты, где в этот период находилась Милка. Свиреп же, несмотря на запах, который мутил его разум, отношения своего к Милке не изменил.

Однажды они случайно встретились в коридоре. Милка, завидев его, остановилась. Глаза её задорно поблёскивали, по телу пробежала заметная дрожь. Он застыл. Запах, который исходил сейчас от неё, был таким сладким и призывным и манил к себе, обещая наслаждение.

Кровь в жилах Свирепа неистово клокотала, наполняя каждую клетку его сильного тела ноющим, требующим немедленного удовлетворения желанием. Ему уже было знакомо подобное чувство, он хорошо знал, что несёт в себе этот запах.

А Милка, осмелев, кокетливо помахивала пушистым хвостом, и чувствуя свою женскую силу, потянулась к нему и, забыв осторожность, лизнула в ухо. Он даже не шевельнулся. Видя его смирение, чувствуя возбуждение, она, похотливо выгнув спину, с вожделением прижалась к нему. В этот миг она торжествовала, грозный и неприступный Свиреп был покорён её женской силой.

И вдруг он очнулся. Затуманенный было взор его вдруг прояснился и он увидел рядом с собой Милку, торжествующую и уверенную в победе. Кровь ударила ему в голову, ярость закрыла кровавой пеленой его взор. Возбуждение вдруг ушло, уступив место привычной нена-

висти, и он, молча, с наслаждением, которое может доставить только воплощённая месть, рванул ненавистную Милкину шею.

Взвизгнув от неожиданной боли, она отскочила и, не переставая кричать, поспешно скрылась за дверь.

Он был взбешён, его трясло, ему хотелось догнать нахалку и разорвать в клочья. Её минутная победа над ним, заставила его ненавидеть ещё больше. Он ненавидел Милку, ненавидел своё тело, которое оказалось столь уязвимо перед ней.

В последующие дни, пока продолжалась Милкина пустовка он больше ни разу не вышел в коридор, боясь встречи с ней.

Он слышал, как на следующий день к Милке привели гостя. Её торжествующие, страстные крики доходили до него через закрытые двери, несмотря на все его попытки не слышать. Предательская дрожь колотила изнывающее естество, но он продолжал упрямо лелеять свою злость.

Через два месяца Милка родила трёх щенков. Дальняя комната опять была на запоре. Услышав писк новорождённых, Свиреп окончательно впал в чёрную тоску. Ещё новые собаки в доме, это, в конце концов, становилось невыносимым, но его мнения никто не спрашивал, с ним совершенно не желали считаться.

Милку выводили во двор три раза в день. В это время Свиреп крадучись подходил к закрытой комнате и, затаив дыхание, прислушивался к писку, доносившемуся из-за двери. Милкино отродье было там.

Они громко пищали, призывая свою мать. Этот звук, который издавали щенки, питал и усиливал его неистребимую ненависть, не давая ей остывать. Каждый раз, подходя к запретной двери, он толкал её носом, пытаясь открыть, но она всегда была крепко заперта.

Он ждал своего часа, он умел ждать, ненависть, которая наполняла теперь его жизнь и научила многим вещам, которые ранее были для него недоступны. Он стал хитрым, скрытым и терпеливым, и он дождался.

Однажды, подойдя к ненавистной комнате, Свиреп вдруг обнаружил, что дверь забыли захлопнуть и она чуть приоткрыта. Резко выдохнув воздух из судорожно сжавшихся лёгких, он, просунув узкую голову в щель и расширив тем самым проход, бесшумно зашёл внутрь.

Вот уже три года он не заходил в эту комнату. Она вызывала в нём чувство ненависти и отвращения, потому что именно она в его сознании была источником всё более увеличивающегося количества собак в их доме. И сейчас, в углу на толстом матрасе, свернувшись в один большой клубок, спокойно спали, посапывая, три крошечных щенка.

Неслышно ступая, затаив рвущееся от волнения дыхание, Свиреп приблизился к ним на дрожащих ногах. Подойдя вплотную, он, склонившись, оскалясь и роняя пену, испытывая наслаждение от сладостного, долгожданного момента, примеривался, чтобы выхватить одного.

Щенки, вероятно, почувствовав его присутствие, вдруг зашевелились и, тоненько попискивая, потянулись слепыми мордочками к нему, ожидая ласки и молока. Отпрянув, брезгливо сморщившись, он изумлённо смотрел, как эти несмышлёныши, расплзались по матрасу в поисках матери.

Вдруг он услышал шорох ключа в дверях, Молниеносно схватив зубами одного щенка поперёк туловища, Свиреп опрометью выскочил из комнаты и бросился было к своему креслу, но не успел. В дверях уже стояла Милка, а за её спиной изумлённо и испуганно смотрела на него Ольга.

Он остановился. Трепеща от гнева, он готов был завывать от досады и собственного бессилия. Они молчали. Застыв на пороге, они, молча, в ужасе от своей страшной догадки, смотрели на Свирепа, стоящего со щенком в зубах, не в силах сдвинуться с места.

Выпустив щенка из пасти, он поднял на Ольгу глаза. В них был гнев, ярость, ненависть и боль. Безжалостная, непримиримая ненависть билась в них чёрной волной, сжигая его изнутри. Застигнутый врасплох, он не успел спрятать её привычным панцирем безразличия.

Откровение, которое открылось Ольге сейчас в его глазах, было настолько страшным, беспросветным, что, ужаснувшись тому, что она сейчас вдруг отчётливо, безоговорочно поняла, она порывисто кинулась к Свирепу. Не в силах сдержать слёз, она обняла его и уткнулась лицом в тёплую, мохнатую шею:

– Милый мой, бедный мальчик! Родной! Господи, ну что же мне делать с тобой!

Муфта на его шее промокла от её слёз. Ольга, не в силах успокоиться, не видя выхода из тупика, в котором они оказались, горько рыдала, болезненно до боли в сердце, жалея Свирепа, Милку, щенков, себя и весь мир.

Свиреп стоял не двигаясь и прижавшись шеей к Ольгиному лицу, и впитывал её любовь, которая сейчас так нужна была ему. Гнев ушёл, ненависть притихла. Нежность, любовь к Ольге вдруг опалили его и сейчас он почти что простил ей боль, что она невольно причинила ему.

Так и стояли они, не замечая ничего вокруг, наслаждаясь и страдая от чувства близости, которого давно уже не было между ними.

Но в этот момент Милка, спеша к щенкам и пройдя мимо них, задела боком Свирепа и всё сразу изменилось. Действительность вернулась, очарование исчезло. Сделав шаг в сторону, Свиреп отодвинулся от Ольги и, тяжело ступая, ушёл на своё место.

Щенки росли и, несмотря на все Ольгины старания, всё чаще и чаще вырываясь из своей комнаты, бесстрашно носились по всей квартире, гомоня и дробно топая.

Забившись в самый дальний угол, свернувшись в комок, Свиреп жестоко страдал. Его жизнь окончательно превратилась в ад. Щенки исподволь, постепенно, выжили его из всех его любимых мест.

Они не давали ему возможности спокойно отдохнуть. Когда он ел, они нагло лезли в его миску. Когда он лежал на диване, они настойчиво забирались и устраивались рядом с ним, не обращая внимания на его рычание. Если он ложился на пол, они начинали бегать рядом, то и дело наступая ему на лапы. Но трогать их он больше не решался, помня боль в глазах Ольги.

Переходя с места на место, в поисках покоя и пытаясь спастись от навязчивости бесцеремонных щенков, он отчаянно ненавидел не только их и Милку, а уже и весь этот дом, который перестал быть его, осквернённый этой напастью.

И однажды вечером, во время прогулки, он, уйдя далеко от Ольги, так и не вернулся. Свернувшись клубком на мягкой траве, он, вздохнув с облегчением, впервые за долгое время спокойно, безмятежно уснул.

Ночь не пугала его, она несла покой и прохладу. Луна, заботливо склонившись над его ложем из мягкой травы, казалось, баюкала и ласкала его. Он был один, наедине с ночью и луной и ничто не нарушало его покой.

Проснувшись утром, он, не задумываясь и не сомневаясь, отправился в путь, цель которого была ему неизвестна. Переходя из двора во двор, он не оглядываясь уходил всё дальше и дальше от родного дома, который стал для него сущим адом.

Заглушая в себе воспоминания о тех, кого он так сильно любил, Свиреп учился жить один. Одиночество, полная независимость и свобода наполняли его душу умиротворением.

Очень быстро он приспособился к трудностям бездомной жизни. Роясь на помойках и попрошайничая, вполне можно было прокормиться. Многие, жалея бедную и такую красивую бездомную собаку, пытались подзвать его, чтобы поймать и может быть забрать к себе домой. Но, будучи недоверчивым и довольно сообразительным, он близко ни к кому не приближался. Схватив предложенный кусок, мгновенно отскакивал, не даваясь в протянутые, чужие руки. Он не верил никому, в его сердце было место только для Ольги и Смутьяна, но слишком большое испытание пришлось пережить его бескомпромиссной душе, и он сделал свой выбор.

Странствуя, попрошайничая и ночуя на улице, он, не жалея ни о чём, уходил всё дальше и дальше от родного дома.

Однажды, пристроившись для ночлега под лестницей десятиэтажки, он был разбужен громкими криками. Рядом расположилась на скамейке какая-то сильно подвыпившая компания. Попивая водку из горлышка, идущей по кругу бутылки, они шумели всё больше.

Пытаясь уснуть, Свиреп плотно закрыл глаза, но шум сильно мешал. Перекладываясь с боку на бок и пытаясь найти более удобное положение для своего большого, исхудавшего тела, он случайно задел сухую ветку, которая, сломавшись, громко хрустнула.

Компания затихла, звук сломанной ветки, раздался совсем рядом с ними. Один из них пошатываясь подошёл к лестнице и, наклонившись, заглянул вниз. На него из темноты сверкнули большие глаза.

– Там кошка! Ха-ха! – обрадовался он неизвестно чему. – Сидит, падла, спряталась. Ну-ка, вылазь, сволочь!

Вытащив спичечный коробок из кармана, он негнушными пальцами зажгёт спичку и кинул её под лестницу. Потухнув на лету, она чёрным, оплавленным плевком упала рядом со Свирепом.

– Фу ты, чёрт! Потухла. Ну-ка, ещё попробуем!

Следующую спичку постигла та же участь. Свиреп, чувствуя недоброе, глухо, предупреждающе зарычал.

– Да там собака. – заключил один из приятелей экспериментатора. – Не трогай ты её, вдруг она бешеная.

– Да, что ему терять, – загоготал третий, – он и сам бешеный!

– Тузик, вылазь, – с пьяным упорством не унимался первый. – Хочешь водочки?

Довольный собственной шуткой, он громко загоготал.

– Вот дура стесняется. Ну, ничего, мы не гордые.

Улыбаясь собственным мыслям, он, пошатываясь взял из рук приятеля бутылку с водкой и, наклонившись, плеснул из неё под лестницу.

– На-ка, выпей с нами!

Запах спирта, как ножом полоснул обоняние Свирепа, всегда испытывающего болезненное отвращение к этому запаху.

Пьяные мужчины, обступив лестницу полукругом, лишали его возможности выбраться. Забившись в угол и не понимая, что они хотят от него, Свиреп зарычал ещё громче.

– Смотри-ка, ему не нравится. Вот гад неблагодарный. – Ну-ка, вылазь, скотина.

Схватив длинную палку, один из них ткнул наугад в темноту, попав Свирепу в плечо. Визгнув от боли, тот крутанулся, ища выхода, но перед его глазами стоял плотный ряд чужих, враждебных ног.

– Вот паразит! – ругнулся кто-то. – А ну-ка, шевельни его ещё разик, да посильнее!

Палка юркнула под лестницу, снова ужалив Свирепа в то же плечо. Охнув, он упал и тут же вскочив, приготовился к отпору. Инстинктом загнанного зверя он чуял, откуда будет нанесён удар и не ошибся. Палка снова нырнула к нему и, не успев нанести удар, застряла в мощной челюсти. Не ожидавший ничего подобного, человек, выпустил палку из рук, оставив её добычей затаившейся под лестницей собаки.

– Ух-ты, падла! Ну, я тебя сейчас сделаю! Серый, дай-ка спички! – выбросив пустой коробок, обиженный отпором, пьяный злобно бормотал себе что-то под нос.

– Ты чего делать-то собрался, пахан. Ты что сдурел? Оставь ты пса в покое, что он тебе сделал? – раздался глухой голос.

– Уйди, я его сейчас выкурю, падлу!

– Да, что ты завёлся, пусть сидит. Пойдём лучше, ещё пузырь возьмём.

Наблюдая из-под лестницы за происходящим и пытаясь улучшить момент, чтобы выско-чить, Свиреп увидел две пары ног, которые начали топтаться друг против друга. Владелец одних из них явно пытался что-то отнять у другого, но это, вероятно, было непросто.

– Да пошёл ты! – толчок, и один, полетел в сторону, отброшенным мощным ударом.

В ту же минуту шаркнула спичка и ночь стала днём. Сделав из палки и облитой водкой тряпки большой факел и довольно ухмыляясь, борец с бродячими собаками, даже не заглянув под лестницу, пихнул под неё пылающий комок.

Нестерпимая боль лизнула огненным языком испуганного Свирепа и затмила собой весь мир.

– На тебе получи! – брызгая слюной и задыхаясь от злобной радости, человек всё мазал и мазал визжащую собаку огненной кистью.

– Ты, что сдурел? А ну, прекрати!

Некоторые участники увеселения вмиг протрезвели и, понимая мерзость происходящего, пытались остановить обезумевшего товарища. Но он с силой, присущей только сумасшедшим и пьяным, отпихивал всех, кто приближался к нему, и снова делал свои выпады.

Свиреп, не в силах терпеть больше эту муку, визжащим, огненным клубком вылетел из своего убежища и, не видя ничего перед собой, налетел на чьи-то ноги. Ничего не соображая от мучительной боли, испытывая только одно желание скрыться с этого места, Свиреп осата-нело вцепился зубами в возникшее перед ним препятствие.

– А-а-а! Гад, он меня укусил!

Но Свиреп, вырвавшись, наконец, из злополучного круга, был уже далеко. Отбежав от компании на безопасное расстояние, Свиреп, повинаясь инстинкту, упал на землю и, ката-ясь по траве, сбил с себя пламя.

Мучительная боль не отступала, но инстинкт гнал вперёд, и Свиреп, не обращая внима-ния на свою безжалостную спутницу, уходил всё дальше от этого страшного места.

Когда он пришёл в себя и остановился, ночь уже прощалась с городом, брезжил рассвет. Оглядевшись, Свиреп обнаружил, что он в своём бегстве давно уже пересёк городскую черту. Бескрайние, пустынные поля открылись его затуманенному болью взору. Рухнув в первую же попавшуюся канаву и забившись под куст, Свиреп затих.

Его тело, покрытое многочисленными ожогами, стало для него источником нестерпимой муки на многие дни. К счастью, густая псовина частично спасла его кожу и ожоги, хотя их было и много, всё же не смогли лишить его жизни.

Он выжил. Медленно день за днём, кожа его рубцевалась образуя безобразные шрамы. Шатаясь на слабых ногах, худой, со следами страшных ожогов на теле, с обгоревшими клоч-

ками кое-где оставшейся псовины, он был жив и по мере своих сил, повинувшись зову города, вернулся на его улицы.

Прошло три месяца, осень отгорела багрянцем и незаметно подкралась зима. Холодный ветер, слякоть, ледяной дождь, вот что теперь сопровождало Свирепа в его одиноких скитаниях. Всё сложнее становилось найти тёплое, сухое место для отдыха, от промозглой сырости болели кости и суставы отказывались служить, отзываясь жестокой болью на каждое движение.

Труднее стало и прокормиться. Прохожие теперь брезгливо шарахались от него, боясь подцепить какую-нибудь заразу, столь страшен был вид его покрытого шрамами тела.

Спасаясь от непогоды, опасливо обходя его стороной, они, зябко поёживаясь, спешили в свои тёплые, уютные дома. Всё чаще и чаще Свиреп вспоминал родной дом, который он так безоговорочно покинул.

И всё чаще воспоминание о Смутьяне тревожило его душу и вот в один холодный и пасмурный день он повернул домой. Как-то вдруг, неожиданно, в одну минуту, он ощутил непереносимую тоску по родным стенам, по теплу и добротной пище, по тем, кто любил его когда-то.

Забыв про ломящую боль в суставах, почти бегом, он направился в сторону дома. Прошлые неприятности как-то забылись, ему уже не казался его дом проклятым местом. Там было тепло, сытно и, главное, там был Смутьян.

К Ольге, которая превратила его жизнь в кошмар, он теперь относился иначе, чем раньше. Любовь к ней почти ушла из его сердца. С присутствием Милки он уже давно смирился, а о щенках он старался не думать. Домой, скорей домой! Вот единственное, что занимало его сейчас.

Он так устал от своих странствий, от холода и сырости, от одиночества. Его нежный желудок, испорченный гнилыми отбросами, которыми он был вынужден кормиться долгое время, измучил его постоянными, резкими болями.

Несколько нескончаемых дней продолжалось его иступлённое возвращение домой. Эти дни он почти не ел и не спал, не желая тратить время на поиски пищи и ночлега.

Скорей! Домой! – рвалась его измученная душа.

И вот уже близки родные кварталы, знакомые улицы сменяют друг друга. Но, несмотря на возбуждение и страстное желание скорей достичь дверей знакомого подъезда, подточенный недоеданием, болезнью и нехваткой сна организм требовал срочного отдыха, сил уже не хватало, но Свиреп упрямо шёл и шёл.

Шатаясь, засыпая на ходу, падая и подымаясь вновь, он брёл вперёд. И вот уже показался знакомый дом. Осталось пересечь дорогу, и он в родном дворе. Не в силах даже оглядеться, ведомый только своей иступлённой жаждой добраться во что бы то ни стало скорей, Свиреп ступает на проезжую часть.

Дойдя до середины, в какой-то миг он боковым зрением замечает летящую прямо на него, горящую фарами громаду машины. Инстинкт сработал и, напрягая последние силы, он попытался свернуть в сторону, но сила инерции оказалась сильнее его запоздалой предосторожности, и со всего размаху она кинула его ослабленное тело на горячий бок машины, пытающейся, в свою очередь, объехать его.

Визг тормозов, удар и тишина. Проехав с десятков метров, машина остановилась. Испуганный водитель минут пять чего-то ждал, однако из машины не выходил. Собака не шевелилась. И вдруг решившись, водитель выжал газ и умчался, оставив беспомощного пса на обочине.

Ольга всё это время безнадежно пыталась найти Свирепа. Сколько было пролито слёз, дано обетов, лишь бы он вернулся. Все щенки уже давно были розданы, и Ольга, надеявшаяся вначале на то, что, почувствовав это, Свиреп вернётся, уже отчаялась его ждать.

Он не возвращался. Она прекрасно понимала, что он ушёл из дома, потому что жить ему здесь стало невыносимо. Она вновь и вновь ругала себя за беспечность, что, доверившись внешнему спокойствию Свирепа, не предугадала такого поступка, на который бросили его отчаянье и безысходность.

Она хорошо знала нрав своего питомца и необходимо было принять меры для того, чтобы щенки не отравляли его существование. А она понадеялась на «авось» и в результате потеряла собаку. Винить его она не могла, он был такой от природы, и она, зная это, должна была заботиться о нём получше.

Никакие поиски не дали результатов. Оставалось надеяться, что он ещё жив и всё-таки вернётся сам.

В тот вечер, Ольга, как обычно, вышла на последнюю прогулку очень поздно. Спустив Смутьяна, она не спеша ходила по двору, полностью погружённая в свои мрачные мысли.

Оглядевшись и заметив, что ни Смутьяна, ни Милки рядом нет, она негромко свистнула. На этот призыв её собаки всегда сразу возвращались, как бы далеко в этот момент они ни находились. Вот и сейчас, мелькнула тень и рядом закружил Смутьян.

Он был явно чем-то взволнован. Кружа рядом, он как будто звал её за собой. Отбегая в сторону дороги, останавливался и, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, с мольбой смотрел ей в глаза. Не выдержав, подбегал опять к ней, и снова бросался в сторону, жалобно поскуливая. Милка же, вообще, не вернулась. Ольга опять свистнула.

– Смутьян, я тебе сколько раз говорила, что на дорогу ходить нельзя! Где Милка?

Но Смутьян не слушал её и, поглощённый чем-то о чём она пока не знала, сорвался с места и стрелой полетел опять к дороге.

Понимая, что что-то случилось, полная самых плохих предчувствий, Ольга успокаивала себя тем, что ни одна машина за время их прогулки по той дороге не проезжала, а значит сбить Милку не могла. Она кинулась вслед за Смутьяном.

Чем ближе она подбегала к дороге, тем больше паника завладевала её душой, несмотря на все увещевания разума. Ну вот, наконец, она видит своих двух собак. Милка стоит на дороге, Смутьян кружит рядом. Подбегая и отскакивая, он далеко не отходит от чего-то, что лежит рядом с Милкой. Оглянувшись, он увидел бегущую Ольгу и кинулся к ней навстречу. Обезав её вокруг, он снова помчался к дороге.

Уже не в силах справиться с внутренним напряжением, уже догадавшись о том, что там лежит, готовая сорваться на иступлённый, отчаянный вопль, Ольга, наконец, добежала до собак и, с размаху упав на колени, припала лицом к грязному, ободранному боку Свирепа.

Рыдания разрывали ей грудь, дышать стало больно, не в силах справиться с горем, она в голос зарыдала над неподвижно лежащей собакой.

И вдруг Ольга почувствовала под своей рукой, лежащей на его груди, слабое, еле уловимое движение. Она не могла ошибиться, его грудь приподнялась и вновь опустилась, значит, он был жив.

Сердце, казалось, сейчас выскочит из груди. Судорожно сжавшись, оно замерло раненой птицей и, вдруг заколотилось быстро, быстро.

Плача теперь уже от счастья, Ольга начала осторожно ощупывать Свирепа, пытаясь определить повреждения. Рёбра явно были сломаны, тело было покрыто поджившими, страшными ожогами, но он был жив – это главное, а выхаживать переломанных собак было для Ольги не в новинку.

Сдерживая рыдания, лишаящие её последних сил, она каким-то образом смогла поднять его тяжёлое, изуродованное тело и на подгибающихся ногах понесла на руках домой.

Приходя в себя, чувствуя постоянную, неотступную боль, открывая мутные от муки глаза, Свиреп всегда видел рядом с собой Милку. Она не отходила от него ни на шаг, сутками

лежала рядом и, не отрываясь, смотрела на него. Когда её выводили на улицу, она, сделав быстро все свои дела, спешила домой, к Свирепу. Казалось, она принимала его за своего больного, страдающего ребёнка, услышав стон, тревожно сочувственно поскуливала.

Когда Свиреп проваливался в темноту тяжёлого сна, Милка придвигалась к нему вплотную и ласково обнюхивала морду, ей очень хотелось приласкать его, но даже спящий, он вызывал чувство опасности, несмотря на то, что сейчас был беспомощней недельного щенка.

Позже, когда боль стала всё чаще и чаще отступать и Свиреп на некоторое время приходил в себя, она, отодвигаясь от него подальше, всё же не уходила. Так и лежала возле него, оберегая его покой.

Пришло время и Свиреп начал понемногу подниматься, неловко и неуклюже. Милка явно переживала за него и, прибегая за Ольгой на кухню, звала её на помощь в комнату к Свирепу. Иногда, падая, не в силах удержаться на слабых ногах, он жалостно, тихонько скулил. Тогда она, поскуливая вместе с ним, тревожно кружилась рядом в отчаянье от собственной беспомощности.

Объяснить такую преданность с её стороны по отношению к Свирепу, который всегда с трудом её переносил, Ольга не могла. Но в душе она надеялась, что он не сможет не оценить Милкину необъяснимую любовь, и, может быть, хотя бы смириться с её присутствием.

Свиреп же, с каждым днём набираясь сил, мог уже самостоятельно вставать и передвигаться по квартире. Вскоре Ольга стала его потихоньку выводить на улицу, холодея при приближении к ним какого-нибудь соседского пса.

Резкие рывки, а тем более драка могли бы свести на нет все эти страшные недели выздоровления. Но вероятно, память у соседских собак была хорошая и, помня суровый нрав Свирепа, они по-прежнему обходили его стороной.

Когда Ольга его выводила во двор, Милка, оставаясь дома, тревожно скулила, беспокоясь, и вскоре, сжалившись над ней, Ольга стала брать её с собой.

Однажды, хромающий Свиреп на поводке и счастливая, опекающая его Милка, заходили в свой подъезд, возвращаясь с прогулки. И вдруг сзади, неожиданно, с грозным рыком на них напал соседский ротвейлер. Он жил в этом же подъезде и был исконным врагом, как Свирепа, так и Смутьяна.

Когда Свиреп был здоров, ротвейлеру и в голову не пришло бы напасть на него, слишком хорошо ему было известно, какая злоба и ярость скрывается в этом кобеле. Но сейчас, увидев своего врага больным и слабым, ротвейлер решил воспользоваться случаем, чтобы отомстить за все обиды.

Увидев приближающегося к подъезду Свирепа, он, находясь в этот момент без поводка, равнодушно отвернулся, делая вид, что полностью увлечён своим занятием. Подобным манёвром он обманул не только Свирепа, но и своего хозяина. Тот, увлёкшись беседой с приятелем и увидев, что его собака как будто бы не реагирует на приближающихся борзых, не стал брать его на поводок, как это делал обычно при приближении Свирепа.

Сверкнув глазами на широкую, напряжённую спину отвернувшегося ротвейлера, Свиреп, устало, прихрамывая, поднялся по лестнице на узкую площадку, огороженную бетонным заборчиком перед дверью в подъезд, на которой ему с его длинной, переломанной спиной, развернуться назад было невозможно.

За ним юркнула и Милка. И в этот момент, пока дверь в подъезд ещё была закрыта, коварный ротвейлер, с удивительной для его комплекции резвостью, рванул вверх по лестнице и с мстительной радостью вцепился в заднюю ногу Свирепа.

Охнув, разъярённый Свиреп, попытался развернуться, но шина на его спине лишила его прежней вёрткости и он, сатанея от собственной беспомощности, застрял на площадке. Ротвейлер, влаивая от исступлённой радости, всё рвал и рвал его заднюю ногу.

И вдруг юркой, незаметной змеей Милка вывернулась из-под живота Свирепа, и, изогнувшись, снизу, вцепилась мёртвой хваткой в открытое горло ротвейлера. Не ожидавший такого нападения, он испуганно взвизгнул. Милка, вцепившись смертоносным клещом, держала его шею и не отпускала. Он, пытался вывернуться, но маленькая борзая держала хватку намертво.

Затем, как будто одумавшись, она отпустила его шею и, вцепившись зубами в нос, повергла этим его в позорное бегство.

Зайдя домой и всё ещё переживая недавнюю битву, дрожа крупной дрожью от перевозбуждения, Милка первым делом принялась обнюхивать Свирепа. Тот стоял в коридоре, обесиленный и всё ещё ворчал, переживая свою былую беспомощность.

Милка, суесящаяся рядом, вдруг потянулась к его носу. Он застыл, никогда прежде она не смела так близко приближаться к нему. Привычно отпрянув и уже собираясь зарычать, он вдруг как будто вспомнив что-то, нехотя, очень медленно, с трудом сдерживая брезгливость, всё же потянулся навстречу. Осторожно, задержав дыхание и прикрыв глаза, Милка трепетала даже от такой крупицы его внимания.

Шли дни. Свиреп постепенно выздоравливал. Уже давно снята шина с его поджившей спины и хромота уже была почти незаметна.

Милка всё это время неотлучно старалась находиться рядом с ним. Неотступно её тёмные глаза сопровождали его во всех его перемещениях, на улице ли, дома. Казалось, она считала его своим щенком, с чисто женской мудростью прощая все обиды, которые он когда-то причинил ей.

По мере того как Свиреп становился всё более и более самостоятельным и уже не нуждался в её опеке, она, считаясь с его независимостью, старалась не досаждать. Но всё же издали, она также тревожно наблюдала за ним неотступно.

Ольга, выхаживая его, часто плакала, глядя его обожжённые, с клочками прекрасной когда-то псовины, бока.

– Бедный мой! Что же с тобой случилось? Кто же мог сотворить с тобой такое?

В её сердце, рвущемся от жалости к нему, возрождалась трепетная нежность к этому строптивцу.

Отплакав и постепенно привыкнув к его новому, обезображенному виду, она со страхом ожидала его полного выздоровления. Будучи слабым и больным он, казалось, не проявлял к Милке особой неприязни, но что будет, когда он выздоровеет и его непримиримая ненависть к Милке воскреснет вновь!

После случая с ротвейлером, когда Милка, не задумываясь, кинулась на защиту Свирепа, Ольгино сердце замерло, не веря тому, что увидели её глаза. Свиреп впервые сделал шаг навстречу Милке. Но, вспыхнув, надежда вскоре снова умерла. После этого случая всё вернулось в прежнее русло. Свиреп вновь замкнулся и не отвечал на Милкины знаки внимания.

Время шло, Свиреп выздоровел, и только шрамы напоминали о прошедшей трагедии, но он изменился внутренне. Вначале это радовало Ольгу, обещая в будущем спокойную жизнь. Казалось, он стал мягче и добрее и пережитые страдания убедили его в собственной уязвимости.

Он стал уступчивей и терпимей и уже не сверкал яростно глазами при виде Милки. Но процесс его перевоплощения, однажды начавшись, уже не останавливался, и это уже начало пугать Ольгу. Постепенно огонь, сжигавший его изнутри и наделявший раньше тем неукротимым, страстным темпераментом, что вызывал столько хлопот, но и был самой сутью Свирепа, питавший его жизненную энергию, казалось, постепенно затухал.

С каждым днём взор его глаз становился всё более отстранённым и равнодушным, движения ленивей и тяжелей, он как будто засыпал медленно и неотвратно. Милка больше не вызы-

вала в нём яростной ненависти, страсть уходила из его сердца, лишая смысла его существование.

Казалось, смирившись, наконец, с присутствием Милки, он постепенно день за днём, освобождал ей жизненное пространство, сжимаясь и уходя в тень. Наблюдая за метаморфозой, происходящей со Свирепом, Ольга, понимая, что жить вне своей страсти Свиреп не сможет, уже почти что хотела увидеть вновь огонь ненависти в его глазах, так больно ей было видеть его потухающий с каждым днём взор.

Милка же, чувствуя эти перемены, казалось, жалела Свирепа. Не спуская с него сочувствующих глаз, она часами смотрела на него из своего угла. Близко к нему она подходила редко, понимая, что ускорит этим уход Свирепа. А он уходил, упрямый и гордый, ускользая, он просачивался между пальцев как вода, и сделать с этим уже ничего было нельзя.

Но вот пришло время очередной Милкиной пустовки. С первого же дня, ощутив перемены в своём теле, Милка оживилась, ожидая долгожданного момента. Дни шли и срок приближался.

В тот день к ней привели кобеля. Огромный, белый как снег, он спесиво подбирал точёные ноги, гарцуя, как породистый жеребец.

Ольга, восторженно наблюдая за ним, уже видела в своём воображении красавцев-щенков, что будут у Милки от этого великолепного борзюка. Этой вязки она ждала давно. Красавец-кобель был вожаком мечтой многих владельцев сук, желавших заполучить потомство от него, но получить согласие на вязку от хозяина этой собаки было непросто.

Ей это удалось, с трудом добыв довольно большую сумму, она всё-таки уговорила хозяйина, предложив за эту вязку рекордную оплату. И он приехал. Он здесь и Милка готова. Ольга не сомневалась в своей девочке, зная, как та охотно вяжется, и проблем с её стороны не ждала.

И вот кобеля запускают к Милке. Та, впившись взглядом в открывающуюся дверь и увидев гостя, вдруг неожиданно для Ольги, гневно зарычала. Собравшись в тугую комок, готовая в любую минуту расправить своё тело в мощном прыжке, она, злобно оскалившись и трепеща губами, утробно рычала, предостерегая гостя от глупостей.

– Милочка! Ты что? Это же к тебе, девочка. Ты же хотела мужа? Смотри, какой красивый мальчик! – вытянув руки, изумлённая Ольга медленно подходила к Милке.

– Вы же говорили, что у вас не злая сука! А это что? Да она сожрать его готова! – послышался возмущённый голос хозяйки кобеля.

– Извините, я сама ничего не понимаю. Она всегда так охотно вяжется, что с ней случилось, ума не приложу. Подождите минутку, сейчас она успокоится.

Подойдя к Милке и глядя её по спине, Ольга пыталась её успокоить, шепча на ухо ласковые слова. Милка, чуть расслабившись, всё же утробно рычала, не спуская глаз с застывшего на пороге кобеля, что, предвкушая вязку, негромко поскуливал, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Но хозяйка крепко держала его за поводок.

– Милочка, девочка, ну, успокойся. Ты посмотри какой он красивый. Представляешь, какие детки у тебя будут прелестные? Ты же хотела щенков? – Ольга, нашёптывала Милке на ухо, пыталась уговорить её, но сама уже в глубине души понимала, что из этой долгожданной вязки ничего не получится. Что случилось с её доброй Милкой она понять не могла, но чувствовала, что та вязаться не хочет.

Вдруг Милка замолкла. Тело её всё ещё было напряжено, но рычание затихло и пушистый хвост сначала чуть заметно, а потом и всё смелее задвигался, говоря, что Милка больше не сердится.

– Ну вот и молодец, вот и умница! – Ольга ласково гладила её по бокам, до конца ещё не веря в то, что Милка передумала и ожидая от неё какого-нибудь подвоха.

А Милка, приветственно помахивая из стороны в сторону хвостом и наклонив голову, казалось, улыбалась кобелю, приглашая его войти. Тот, уже с трудом сдерживаясь, рвался к ней, срываясь с ошейника.

– Ну, что, я его отпускаю? Вы придержите её, на всякий случай.

– Да что вы, она сама рада. Пусть познакомятся сначала.

Отпущенный кобель, радостно кинулся навстречу Милке. Та, подпустив его поближе, вмиг вдруг очерилась всеми сорока двумя зубами и молниеносно вцепилась ему в нос. Завизжав от дикой боли, он отпрянул назад и, стряхнув с себя коварную девчонку, изготовился для нападения.

Забившись спиной в угол, она, исходя слюной, подставила ему свою полную острых зубов пасть. Ещё один молниеносный выпад, и её зубы достали его наклонённую шею. Кобель изо всех сил пытался стряхнуть её с себя, но ему это не удавалось. Держа его шею мёртвой хваткой, она, сжимая зубы всё плотнее, тянула его вниз до тех пор, пока он не рухнул на пол.

– Уберите её, что вы смотрите! – возмущённый крик хозяйки поверженного кобеля, прервал состояние оцепенения, в которое впала Ольга, наблюдавшая за происходящим.

– Милка, отрыщ!

Схватив её за ошейник, Ольга пыталась оторвать её от бедного кобеля, который уже начинал хрипеть, закатив глаза.

Но Милку, похоже, заклинило, хватку она не ослабляла, казалось, что она потеряла сознание.

Схватив швабру, стоящую в коридоре и просунув под ошейник, Ольга провернула её несколько раз, чтобы заставить Милку разжать зубы. Наконец, та оторвалась как насосавшийся клещ и, задыхаясь, отступила.

Выгнав её в коридор и закрыв дверь, Ольга кинулась к поверженному кобелю, к которому начинало возвращаться дыхание.

– Ну, знаете ли, это безобразие. Она чуть не убила его! Вы что, дура? Если сука такая злая, так на неё намордник одевать надо. Вы очень об этом пожалеете, я уж постараюсь, чтобы к вам больше ни один кобель не пришёл!

Хозяйка несчастного кобеля с трудом подняла ослабшую собаку, видно было, что она хочет как можно быстрее покинуть этот негостеприимный дом.

Ольга помогала ей, и от души жалея пострадавшего кобеля, не смогла сдержать слёз.

– Вы уж извините, я сама не ожидала. Я не понимаю, что с ней стряслось, никогда она себе такого не позволяла. Просто ужас какой-то.

Проводив злополучных гостей и закрыв за ними дверь, Ольга, чувствуя невероятную слабость в ногах, сползла на пол прямо в коридоре и горько разрыдалась, не в силах больше сдерживать напряжение.

Выглянувшая из кухни Милка, виновато опустив повинную голову, медленно приблизилась к ней и, не дойдя полметра, остановилась, так и не подняв головы.

– Милочка, что же ты наделала? За что ты его, что он тебе сделал? Ты же понимаешь, что ты плохо поступила, ведь так? Что на тебя вдруг нашло?

Милка, не поднимая головы, стояла, виновато ссутулившись, и всем своим видом давала понять, что просит прощения за свою жестокую выходку.

Немного успокоившись и уже простив в глубине души Милку, Ольга встала и, всё ещё всхлипывая, открыла дверь в комнату, где был закрыт Свиреп. Смутьяна в этот день дома не было, его забрал с собой Аркадий, уехавший на два дня на дачу.

Милка, казалось, ждала этого момента и стрелой ворвалась в комнату. Увидев Свирепа, лежащего на диване, она, кокетливо задрвав хвост, танцующей походкой направилась к нему.

Казалась, она сейчас замурлыкает как кошка, столько неги и томления было во всей её ладной фигурке. Изогнув трепещущую спину, она, приблизившись к Свирепу, страстно припала на передние лапы, вызывая его на любовную игру. Он вначале, оставаясь равнодушным к её вторжению, почувствовал вдруг сладкий запах и поднял голову. Насторожив уши, он внимательно смотрел на Милку.

Ольга, замерев на пороге, изумлённо наблюдала за ними.

– Так вот кого ты хочешь? Ну, это вряд ли у тебя получится, дурочка.

Решив не вмешиваться, Ольга, прислонившись к косяку, наблюдала за Милкой.

Свиреп, подняв, было голову, снова опустил её на диван. Полузакрыв глаза, он всё же исподтишка внимательно наблюдал за Милкой.

Та, привстав было, снова припала на передние лапы и, зазывно помахивая хвостом, ласково и задорно смотрела на него.

Казалось, он решил не обращать на неё внимания, и, закрыв глаза, отвернулся. Она же, в свою очередь, не отступала и, ткнув носом его в ухо, с надеждой ждала, когда он повернётся к ней, но он был упрямым.

Понаблюдав некоторое время, за безуспешными Милкиными заигрываниями и убедившись, что Свиреп не проявляет к ней былой агрессивности, Ольга, почувствовав вдруг сильную усталость, ушла на кухню. Она решила, что Милка утомившись, сама поймёт, что её выбор не очень удачен.

Включив телевизор и налив себе чаю, Ольга сидела в кресле расслабившись и пыталась не думать о сегодняшних злоключениях.

Изредка прислушиваясь к звукам доносившемуся из комнаты и слыша каждый раз глухой топот, Ольга улыбалась про себя, думая о неумоимости и настойчивости Милки.

И вдруг страстный Милкин крик подбросил её с кресла и она, даже не успев сунуть ноги в тапочки, босиком кинулась в комнату.

Распахнув дверь, она с трудом поверила своим глазам.

– Как тебе это удалось, боже мой! – изумлённо прошептала она, увидев Милку и Свирепа, стоявших в замке.

– Милка, Милка! Какая ты умница!

Подойдя к ним и убедившись что всё в порядке, Ольга осторожно заглянула в глаза Свирепа. Они блестели и ей показалось, что он доволен.

– Миленький, ну как ты, родной? Тебе хорошо?

С тревогой вглядываясь в него, она, казалось, ждала ответа.

Вечером, выйдя с собаками на прогулку, Ольга с тревогой наблюдала за Свирепом, ища ответа на свой вопрос. Год-полтора назад она была бы счастлива, застав их в замке. Тогда бы это свидетельствовало о том, что Свиреп сменил свою ненависть на милость. Но теперь, когда страсть покинула его, не было ли это уступкой физиологии, простым механическим действием. Ольге очень хотелось верить, что эта вязка, пробудит темперамент Свирепа, но без ненависти к Милки, которая так беззаветно любила его.

Размышляя и пытаясь найти ответ на свои вопросы, Ольга отпустила Свирепа с поводка. Она уже давно спускала его во дворе, так как после своих странствий и болезней, утратив свою страсть к жизни, он давно уже не проявлял агрессивности к чужим собакам.

Милка, весело кружа рядом и заглядывая ему в глаза, старалась идти рядом и всё норовила прикоснуться к нему. Он же, казалось, её не замечал. Ольга, наблюдая за ним, всё больше и больше погружалась в отчаянье, видя, что ничего особо не изменилось.

Вдруг из-за угла выскочил чёрный дог. Крупный, в самом расцвете сил, он, почувствовав запах, исходящий от Милки, застыл на месте, водя носом и пытаясь определить его источник.

Уловив направление, он тут же забыв о своём хозяине, направился к Милке.

Свиреп, стоявший за кустом, внимательно наблюдал за ним. Ольга, прихватив Милку за ошейник, приготовилась к отпору, озираясь в поисках хозяина собаки.

Кобель, просительно поскуливая, приблизился к Милке, и, теряя разум от вожделения, закружил вокруг.

– Ну-ка, иди отсюда! – не имея под рукой ничего, чем бы можно было отогнать дога, Ольга начинала впадать в панику, предчувствуя, что если хозяин собаки не объявится сей же момент, то ей будет трудно справиться с ним. Дог, пуская слюну, не собирался отступить.

– Пошёл вон! Фу! – Ольгин голос сорвался на крик.

Отойдя немного назад, он оскалил огромные зубы и, глядя ей прямо в глаза, тихо с угрозой зарычал.

Теперь уже Ольга всерьёз испугалась. Если он кинется, пострадать могут они обе. Не зная, что делать, Ольга, пятясь назад, попыталась ретироваться к своему подъезду, волоча Милку за ошейник. Дог, почувствовав её страх, снова глухо зарычал и пошёл следом.

Споткнувшись и упав, Ольга выпустила ошейник из рук и Милка, отскочив в сторону, кинулась к подъезду. Дог, возбуждённо урча, бросился за ней. И вдруг белый вихрь пронёсся мимо Ольги, обдав её горячим дыханием.

Свиреп стрелой настигнул дога и на ходу цапнув того за ногу, развернулся и остановился, ожидая ответного нападения. Шерсть на его загривке стояла дыбом, белые зубы в оскаленной пасти казались крупнее и напоминали белые ножи, готовые к броску. Но главное, его глаза, были прежними, в них был азарт и удайство, ненависть и предвкушение схватки. Они были живые, такие, как раньше, когда их алчный блеск пугал противника и лишал решимости.

Дог, как бы споткнувшись, застыл и, казалось, взвешивал, стоит ли связываться с этим бешеным кобелём или нет. Он знал нрав Свирепа, даже слишком хорошо. Вечной памятью о встрече с ним у него остался шрам за ухом. Несколько секунд продолжался их поединок взглядами и дог пошёл на попятную, рыкнув в отчаянье напоследок, он отступил.

Ольга, поднявшись на ноги и отряхивая джинсы, подошла к Свирепу и, взяв его за ошейник, погладила по спине. Он стоял, тяжело дыша, прижавшись к ней боком и, видимо, нуждался в её ласке и поддержке.

Из приоткрытой двери выглянула испуганная Милка и, увидев их, выскочила из подъезда. Подойдя поближе, она тревожно обнюхала Свирепа и, убедившись, что он цел и невредим, нежно прижалась к Ольге с другой стороны. Свиреп, подняв голову, посмотрел на Милку долгим взглядом и, потянувшись, вдругдохнул ей в ухо.

Ольга стояла, обнимая двух собак была в этот миг счастлива, так как ощутила, что впервые за все эти годы, они стали одним целым.

Две собаки, прижавшиеся к ней с двух сторон, соединение которых казалось до сей поры невозможным, сейчас были не просто рядом, а именно вместе. И вместе с ними была она, Ольга.

1998 г

КАПРИЗ БАЛЕРИНЫ

Анна – невероятная женщина: тонкая, грациозная, артистичная. Она молода, красива и любима. Мало того, она – «восходящая звезда русского балета», как написала Le Figaro после её триумфального выступления в Paris Opera Ballet.

Как ей там аплодировали! Сколько цветов преподнесли! Бедная Виноградова даже заболела от зависти и не появилась на прощальном приёме в посольстве. Конечно, она пыталась держать лицо и поздравляла Анну якобы «от души», говорила ей комплименты, но Анна-то знала, какой щелчок по носу получила эта долговязая. Это здесь, дома, она прима. Главный скачет под её дудку: Светик то, Светик сё, но наступил момент истины и здесь Светику не помогли ни интриги, ни связь с главным.

Вся Европа рукоплескала именно Анне, просто носила на руках и лежала возле её маленьких, стройных ножек. Что ни говори, талант, есть талант, а у Анны, несомненно, был талант, да и пахала она, как лошадь у станка. Так что она заслужила этот успех!

Да, её смело можно назвать счастливой.

Помимо блестящей карьеры, у неё потрясающий муж: красивый, умный и тоже известный. Его новая книга сразу стала бестселлером и разошлась миллионным тиражом, и сейчас его романы продаются по всему миру. Муж носит её на руках, сдувает пылинки и выполняет все капризы.

У неё прекрасная квартира в центре Санкт-Петербурга с видом на Неву.

У неё масса поклонников.

У неё есть всё, что только можно пожелать, единственное, чего у неё пока не было – это собаки. Она мечтала о собаке, но не о любой, она мечтала об изящной, великолепной, ослепительно красивой русской борзой.

А началось всё с того, что однажды в один из редких своих выходных, гуляя вместе с мужем на Марсовом поле, она встретила женщину, которая вела на длинных, тонких поводках двух таких собак.

Женщина была самая обыкновенная. Небольшого роста, с простой и незамысловатой стрижкой, в старых потёртых джинсах и, в когда-то ярко-жёлтой ветровке. Она шла быстрой, лёгкой поступью, а рядом с ней грациозно рысили две собаки. Одна из них была значительно крупнее, вероятно, это были мальчик и девочка.

Кобель, конечно, сразу привлекал к себе внимание. Чёрный с рыжим подпалом и белыми подвесами он был просто великолепен. Тонкая, точёная голова, лёгкая поступь, шикарная псовина – от него было невозможно отвести глаз.

Белоснежная девочка, идущая рядом с, поначалу терялась на его фоне, но стоило к ней приглядеться и, уже было невозможно оторвать взгляд, настолько совершенен и гармоничен был её облик. Она напоминала статуэтку из слоновой кости, любовно вырезанную влюблённым резцом.

У Анны перехватило дух:

– Марк, посмотри, как они прекрасны! Боже!

Будучи балериной, она не могла не оценить грацию и утончённую красоту этих животных.

– Посмотри, они похожи на нас, – шепнула она Марку, – вот эта белая, изящная похожа на меня, а вот этот чёрный, демонический – вылитый ты. Посмотри, как они двигаются! Интересно, что это за порода?

Марк пожал плечами.

Анна потянула его за собой, села на скамейку и стала с восторгом наблюдать за собаками.

Любуясь ими, она представляла, как выходит из чёрного, длинного лимузина в своей роскошной струящейся шубе из чернубурки, а рядом с ней идёт её красивый, интеллигентный муж, а с другой стороны – изящная и грациозная вот такая вот собака.

«Это было бы очень эффектно! Наверно, вот эта чёрная собака смотрелась бы изумительно на фоне моей чернубурки или всё же белая лучше? А к моей накидке из рыжей лисы уж точно лучше подошла бы белая собака. Вообще-то, белый цвет подходит ко всему. Да, белый лучше».

Она размечталась. К ней на партии собираются гости: Алмазов с очередной подружкой, Маринина со своим чопорным супругом, прима Виноградова с главным, и, конечно, этот молодой издатель её мужа Борис. У него такой магнетический голос! Даже мурашки по коже... Они заходят в её серебристую гостиную, а там, на диване из красновато-коричневой кожи, грациозно подняв голову, лежит вот эта чёрная собака. Или всё же белая? Правда на фоне изумрудно-серебристых стен белая будет теряться, но на красном диване – это будет очень стильно. Нет, белая – всё же эффективней. Боже, Виноградова от зависти охромеет на правую ногу!

– Марк, давай заведём такую? – дёрнула она мужа за рукав.

– Но, дорогая... – удивился Марк.

– Ну, милый, не будь букой. Ты только посмотри! Я просто влюбилась в них, я теперь не смогу спать и буду несчастна.

Прекрасные глаза Анны наполнились слезами – это всегда безотказно действовало на Марка.

– Ну, что ты, что ты, успокойся, моя царица. Мне тоже они нравятся, но где мы возьмём такую собаку?

– Давай поговорим с этой женщиной. Ну же, пока она не ушла. Пойдём.

Анна уже вскочила и тянула за собой Марка.

– Пойдём, дорогой, спросим.

– Но, дорогая... – начал было Марк, но Анна уже тянула его за руку, догоняя уходящую женщину.

– Постойте, подождите! – закричала она вслед.

Женщина обернулась, подобрала собак поближе к себе и стала ожидать Анну.

– Извините, здравствуйте.

Анна надела на лицо самую очаровательную улыбку из своего богатого арсенала.

– Здравствуйтесь! – приветливо улыбнулась женщина.

– Какие у вас чудные собаки. Это доги?

– Нет, – улыбаясь, ответила женщина, – это русские псовые борзые.

– Русские? Как вы сказали – псовые? Потрясающе! – Анна действительно была поражена.

– Да, русские. А что вас так удивляет? – спросила женщина, успокаивающе поглаживая чёрного кобеля по шее.

– Ну, не знаю. – смутилась Анна.

Глаза её горели, она не могла оторвать от собак восхищённый взгляд.

– Это, наверно, мальчик?

Анна показала пальцем с идеальным маникюром на чёрную, с белой грудью более крупную собаку.

– Да, это кобель, его зовут Цезарь.

– Цезарь... – мечтательно протянула Анна. – Ему идёт, а он не кусается?

– Нет. – ответила с улыбкой женщина.

Да, кобель Анне очень нравился. Какой поворот головы, какое благородство в облике и самодостаточность. Нет в нём суетливости, навязчивости, этого просящего взгляда. Царская

собака как раз для неё – царицы балета. Анне очень захотелось погладить этого необыкновенного Цезаря.

– Можно его погладить?

– Можно.

Анна протянула руку и осторожно дотронулась до головы собаки. Затем, убедившись, что он не против, провела рукой по голове, шее, а затем и по спине.

– Боже, какая прелесть! – прошептала она. – Какая у него мягкая, приятная шерсть.

– Псовина. – с улыбкой поправила её женщина.

Увидев недоуменный взгляд, она объяснила:

– У борзых шерсть называется псовиной. Отсюда и название – псовая борзая.

– Надо же, у них и шерсть не как у всех называется. – отозвалась Анна, не в силах оторваться от собаки.

– Псовая – это значит мохнатая? – Анна уже начала постигать азы.

– Ну, можно сказать, и так. – снова улыбнулась женщина.

– А, скажите, – замялась Анна, – я могла бы купить у вас Цезаря?

– Купить? – женщина перестала улыбаться. – Нет, купить нельзя.

– Почему? Я бы вам хорошо за него заплатила. Сколько вы хотите? – искренне удивилась Анна.

– Потому что, он не продаётся. – женщина сделала шаг в сторону, намереваясь уйти.

– Ой, простите, вы меня не так поняли. – Анна сделала шаг и преградила женщине дорогу.

– Разве? – хозяйка собак остановилась.

– Я имела в виду, что хотела бы, чтобы у меня была такая собака.

На этот раз Анна надела на себя самую милую улыбку.

– Вы уверены, что вам нужна именно такая собака? – женщина на этот раз не поддалась на обаяние Анны.

– Эти собаки охотничьи, они требуют особого подхода. Мне кажется, что такая собака не для вас. Извините, но нам надо идти. – женщина снова сделала попытку уйти.

– А какая собака, по-вашему, мне подходит? – поджав пухлую нижнюю губку, обиженно спросила Анна.

– Ну, не знаю, девушка, возможно, йоркширский терьер или что-то в этом роде. – пожала плечами женщина и снова попыталась обойти Анну.

– Какой-какой терьер? – не поняла Анна, снова заступая ей дорогу.

– Йоркширский. – повторила женщина. – Простите, нам нужно всё же идти.

Обойдя на этот раз Анну, женщина стала стремительно удаляться вместе со своими собаками.

Анна стояла с таким растерянным, несчастным видом, что сердце у Марка сжалось.

– Пойдём, дорогая, не расстраивайся, пойдём в Летний.

Он обнял её за плечи и тихонько потянул за собой в сторону Летнего сада.

За всё время, что они, обнявшись, прогуливались по аллеям, Анна не проронила ни звука. Наморщив свой высокий лоб, она сосредоточенно о чём-то думала. Поначалу Марк пытался отвлечь её разговорами, но, потеряв надежду, оставил в покое и тоже замолчал.

Придя домой, она, подсев к Марку, который устроился на диване с журналом в руках, обняла его и замурлыкала:

– Маркуша! Давай купим такую собачку? А?

Марк отложил журнал и погладил её по щеке.

– Аннушка, солнце моё, ну ты подумай! Какая собака! С собакой надо гулять, её надо кормить и что там ещё...

Он недоумённо пожал плечами, потому что действительно плохо себе представлял, какой уход требуется такой собаке, как, впрочем, и любой другой.

Анна надула пухлые губки:

– Ну, что здесь сложного? Кормить, гулять, подумаешь проблема. – пожалала она изящными плечиками.

Тут глаза её заблестели, в них мелькнула хитринка, которую Марк так любил:

– И потом я уже всё придумала! – она очаровательно, искоса из-под длинных ресниц взглянула на него.

У Марка заколотилось сердце.

Она заворковала:

– У меня, конечно, мало времени, – Анна ласково потёрлась щекой о его плечо, – но ты же работаешь дома, так что не вижу никаких проблем.

– То есть? – любуясь ею, спросил Марк.

Он сейчас не столько воспринимал смысл того, что она говорит, сколько наслаждался звуком переливчатого, грудного голоса.

– Кормить будешь ты, а гулять... тоже ты.

И одарив его самой нежной, чарующей улыбкой, Анна взмолилась:

– Ну, мне очень хочется!

Она живо вскочила с дивана и, отбежав на другой конец комнаты, развернулась и грациозно-ленивой походкой от бедра двинулась к Марку:

– Представляешь! – закатив глаза, выдохнула она. – Прихожу я в театр в своей шубе, вся такая прекрасная, а со мной рядом такой пёс! Да Виноградова сдохнет от зависти! Ну, неужели я не заслужила?

Анна надула губки и, скорчив жалобную гримаску, присела перед ним на пол и снизу заглянула в глаза.

– Анна, ну, это безответственно с твоей стороны!

Марк, хоть и был очарован променадом своей любимой жены, всё же пока держался за доводы рассудка.

Получилось, что ни грациозный променад, ни милая гримаска на этот раз не сработали, и Анна надулась по-настоящему.

– Ты зануда! Ты ужасный зануда и совсем меня не любишь! – крикнула она, вставая, и, хлопнув дверью спальни, удалилась.

Марк с улыбкой покачал головой и продолжил листать журнал, но ему уже не читалось, то и дело он прислушивался. За дверью спальни была мёртвая тишина.

– Анна! – не выдержав, позвал он.

Ни звука.

Он встал и, на цыпочках подкравшись к двери, приложил ухо прислушиваясь. Не услышав даже шороха, он осторожно нажал на дверную ручку и заглянул в спальню.

Анна в позе неизбывного горя лежала ничком на их огромной супружеской кровати и тихонько жалобно всхлипывала.

Марк кинулся к ней и, обняв, попытался перевернуть на спину, чтобы увидеть родное лицо. Она лениво сопротивлялась, отбиваясь от него.

– Не трогай меня! Уходи!

Он понял, что она плачет и не хочет, чтобы он видел её заплаканное лицо. Его сердце сжалось от жалости и угрызений совести, ведь он так расстроил свою любимую Аннушку, такую нежную, ранимую и любимую его девочку. Марк не мог выносить её слёз.

– Анечка! Ну, что ты, моя царица, как ребёнок!

– Уходи! Немедленно! – голос её срывался.

Марк встал и, сам чуть не плача, вышел из комнаты. Только он закрыл дверь, как послышался звук поворачиваемого ключа. Марк дёрнул ручку, но дверь в их общую спальню была заперта.

Эту ночь Марк провёл один в гостиной на красно-коричневом кожаном диване. Спать он не мог и всю ночь прислушивался к звукам из спальни. В мыслях он представлял себе самые страшные картины и к утру был готов на всё, только бы она простила его, только бы увидеть снова её лучистую улыбку.

Утром, когда Анна вышла из спальни, весь её облик говорил, что она тоже провела бессонную, полную страданий и слёз ночь.

Марк, только увидев её, вскочил со своего одинокого ложа и попытался было заглянуть в опущенные долу глаза страдальцы. Но Анна, не поднимая скорбной головы, прошествовала мимо него в ванную.

– Анна! – Марк кинулся вслед за ней, но упёрся в закрытую дверь.

Полчаса он метался около двери, с нетерпением ожидая её появления. Когда она, наконец, вышла, Марк, не дав ей уйти, схватил жену в объятия и, целуя её в лоб, глаза, шею, страстно зашептал:

– Милая моя девочка! Прости! Прости! Хочешь собаку – будет тебе собака! Только не плачь! Я не могу видеть слёзы в твоих глазах!

Анна, которая была готова вначале вырваться и убежать, услышав его слова, обмякла и, внутренне ликуя от своей победы, молча, слушала его.

Когда же он немного отстранил её от себя, чтобы заглянуть в глаза, то увидел в них вымолвленное им прощение и вне себя от счастья, снова прижал к себе свою царицу.

– Дорогая, я так тебя люблю!

После полного примирения, объятий, слёз и поцелуев они пришли к решению, что если через месяц желание Анны завести русскую борзую не пройдёт, то такая собака у них будет.

День за днём не спеша подходил оговорённый срок. Репетиции, спектакли, поздние ужины в ресторане – жизнь Анны шла по давно заведённому кругу, но мысль обзавестись русской борзой не только не оставила её, а даже, наоборот, усилилась и стала навязчивой.

Прекрасное видение о таком антураже всё время преследовало её. Зайдя в книжный магазин на канале Грибоедова, она нашла там книгу о породах собак. Листая глянцевые страницы, отыскала там русскую псовую борзую и, полюбовавшись яркими картинками с красивыми собаками самых разнообразных окрасов, ещё больше загорелась идеей завести себе такую же.

Нашла она в этой книге и йоркширского терьера. Увидев маленькую собачку с бантиком на лбу, она чуть не расплакалась от обиды. Вот как, оказывается, та женщина её оценила, как легкомысленную, глупую дурочку, а ведь она была трудягой, балериной.

Тайком от Марка, она даже съездила на птичий рынок. Огромное количество щенков и котят самых разнообразных пород было готово стать её счастливым питомцем, но щенков русской псовой борзой она там не нашла.

И вот месяц прошёл. Анна лежала с книгой на диване в гостиной, но не читала. Марка дома не было, он куда-то ушёл, так и не сказав куда. Она уже знала, чувствовала, что он пошёл за обещанной борзой, но чтобы не портить ему сюрприз, делала вид, что даже не догадывается об этом.

Она с нетерпением ожидала его возвращения. Не в силах больше терпеть, заставила себя успокоиться и даже взяла книгу, чтобы попробовать отвлечься, но сосредоточится на чтение не получалось, тогда она прикрыла глаза и стала мечтать.

Вот она выходит со служебного входа. На ней чёрная, струящаяся шубка, в одной руке она несёт огромную охапку цветов, а другой небрежно ведёт на тонком, атласном поводке белую

борзую. На собаке ошейник с жемчугом, она обязательно закажет такой. Белая борзая в жемчужном ошейнике, это будет просто шик.

Толпа поклонников, журналистов не могут отвести от них взгляд. И утром во всех газетах на первой полосе появится её фотография. Она обязательно будет брать собаку с собой во все поездки, ведь они так будут выигрышно смотреться вместе: оба тонкие, грациозные, стильные. Никакая другая собака не подходит ей так, как русская борзая, об этом даже не надо говорить.

Она лежала, улыбаясь и закрыв глаза, и её просто распирало от предвкушения того восхищения и поклонения, которое ожидало впереди.

Ну вот, наконец, послышался звук открываемой двери и Анна, вспорхнув с дивана, выскочила в коридор.

– Моей царице – царскую собаку! – смеясь глазами, торжественно объявил Марк прямо с порога и вытащил из-за пазухи месячного щенка русской псовой борзой.

– Ты это серьёзно? – Анна сделала вид, что не поверила своим глазам. – Это мне? Какой милый! Дай его мне! – нетерпеливым жестом она выкинула вперёд тонкие руки и, приняв щенка, прижала его к груди и закружилась по комнате в грациозном танце ликования и счастья.

Марк с любовью смотрел на неё, он мог любоваться своей царицей неустанно.

Щенок, тыкаясь маленьким холодным носиком ей в шею, казалось, парит вместе с ней в этом неистовом танце радости.

– Ты его совсем закружишь, дорогая!

Марк, улыбаясь, подхватил их вместе со щенком в объятия и закружился сам вместе со своей драгоценной ношей.

Щенок захрипел и сделал попытку вырваться из этих двойных оков.

– Марк, отпусти, он сейчас упадёт.

Анна засмеялась переливчатым смехом счастливой женщины.

– Какая у меня благоразумная жёнушка.

Марк аккуратно поставил Анну на пол.

– Ну, иди, иди, хлопочи!

Анна, чмокнув его в чисто выбритую мужественную щёку, побежала хлопотать, надо было накормить и обустроить щенка. Она залезла в шкаф и, вытащив старое одеяло, свернула его в несколько раз и любовно положила в прихожей, тщательно разгладив все складочки. Это будет место для щенка, потом она обязательно купит ему что-нибудь элегантно, а пока поспит на старом одеяле.

Теперь его надо было покормить.

– Марк, а чем кормят щенков? – озадаченно спросила она мужа.

– О-о-о, дорогая, это целая наука.

Марк начал хлопать себя по карманам, потом методично обследовать их все один за другим.

– Хм, похоже, я потерял? – смущённо пробормотал он, убедившись, что того, что он ищет в карманах нет.

– Что потерял, дорогой? – спросила Анна.

– Бумажку с инструкцией.

Марк всё хлопал и хлопал себя по карманам, как будто надеялся, что утерянная им «инструкция» каким-то чудом всё-таки найдётся.

– Какой инструкцией? – удивилась Анна.

– Ну, по щенку, чем кормить, как гулять. Вот я растяпа, всё записал и потерял.

Марк расстроился и сел на стул.

– И что делать, дорогой? – Анна смотрела на него с надеждой, веря, что он обязательно что-нибудь придумает.

Марк не мог обмануть её ожиданий, надо было что-то придумывать.

– Ну, сейчас, наверно, поздно звонить, так что давай импровизировать. Что едят маленькие щенки?

– Насколько я знаю: пьют молоко.

Анна улыбнулась.

– Правильно, ты у меня умница. У нас есть молоко?

– Кажется, было.

Анна порхнула к холодильнику и торжественно извлекла оттуда бутылку с молоком.

– Вуаля!

– Прекрасно! Какая у меня хозяйственная жёнушка! – обнял её Марк.

– Да, тебе со мной повезло, – сказала Анна с улыбкой, вывернулась из объятий и, достав блюдечко, налила туда молока и поставила на пол.

Щенок, радостно косолапя, кинулся к угощению. Вылакав всё до капли, он тут же присел и, из него на паркет белого дуба натекла небольшая желтоватая лужица.

– Ой, это он написал? – с удивлением спросила Анна, сморщив тонкий носик в брезгливой гримаске.

– Вообще-то, щенки писают. – глубокомысленно ответил её более опытный муж и, помешкав, добавил: – Они ещё иногда и какают.

– Да, это неожиданно. – протянула Анна, сморщив точёный носик.

– Не волнуйся, это я беру на себя!

Марк вёл себя, как истинный рыцарь, и получил в награду восхищённый взгляд своей ненаглядной жёнушки.

– Мой герой! – страстно выдохнула она.

– За мной ты как за каменной стеной, женщина!

Подмигнув ей, Марк торжественно двинулся в ванную за тряпкой, и неумело вытерев лужицу, двумя пальцами отнёс её назад. Зашумела вода и из ванной комнаты послышалось тихое чертыханье.

Выключив воду и, повозившись ещё пару минут в ванной, Марк вернулся на кухню. Пока он возился с тряпкой, щенок успел продемонстрировать второе своё умение, которое предрекал мудрый Марк. Маленькая кучка, источающая своеобразный запах, лежала посередине кухни. Анна, зажав нос двумя тонкими пальчиками, с ужасом смотрела на это произведение маленького собачьего ребёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.